

ФОЛЬКЛОР И ЯЗЫК ОСТАРБАЙТЕРОВ

XX век войдет в историю человечества не только крупнейшими техническими достижениями, но и бесчеловечными тоталитарными режимами в целом ряде стран Европы, Азии и Южной Америки, грандиозными и особенно разрушительными войнами. Эти войны охватывали огромные территории, требовали неслыханного числа солдат, они отличались небывалым вовлечением в кровавые события мирного населения. Авиация, танки, тяжелая артиллерия уничтожали все, что оказывалось на пути наступающих войск. Нацистская Германия, добившаяся значительных успехов в первые годы второй мировой войны, стала интенсивно использовать население оккупированных стран на тяжелейших принудительных работах в военной промышленности и сельском хозяйстве, компенсируя недостаток немецкой рабочей силы, отвлеченной в армию. Мирное население приравнивалось к военнопленным, лишалось всяких прав, заключалось в лагеря, максимально использовалось и было обречено на уничтожение. Идеологически это мотивировалось нацистской доктриной — граждане государств, с которыми велась война, объявлялись «низшей расой», предназначение которой — служить «расе господ» и, если надо, исчезнуть. Сеть лагерей иностранных рабочих должна была стать прообразом «нового порядка», который будет установлен в Европе после победоносной войны. Лагерный режим был особенно жестоким по отношению к населению оккупированных областей Советского Союза. Все эти люди без всяких различий считались «советскими», «большевиками», «коммунистами». Все они были остарбайтеры¹ (восточные рабочие). При этом, например, не принималось во внимание, что далеко не все жители районов Советского Союза, которые только в 1939–1940 гг. вошли в состав Советского Союза по германо-советскому договору (Западная Украина, Западная Белоруссия, Буковина), разделяли большевистскую идеологию (как, впрочем, и в «старых» советских областях). Таким образом, мотивировка была двойной — расистской и политической. В разряд «советских» и «русских» попадали все не немцы, проживавшие в Советском Союзе, не

¹ Официальный немецкий термин «Ostarbeiter» и ношение опознавательного знака «OST» обозначали советских гражданских лиц, принудительно вывезенных в Германию для работы в промышленности и сельском хозяйстве. При этом мужчины призывного возраста направлялись преимущественно в лагеря для военнопленных. По подсчету составителей сборника «Национал-социалистическая система лагерей» (Das nationalsozialistische Lagersystem. Frankfurt am Main, 1990), к сентябрю 1944 г. в Германии работало около 6 000 000 «иностранных рабочих»; 2 174 644 из них были вывезены из оккупированных районов Советского Союза (1 062 507 мужчин и 1 112 137 женщин). За все время войны (с 1939 по 1945 г.) в Германию было вывезено около 12 000 000 человек (по нюрнбергским документам). Сколько же их погибло?

говоря уж о евреях и цыганах, которые просто подлежали уничтожению.

Усилиями ученых ряда стран, особенно немецких и российских, история принудительного труда в Германии в годы второй мировой войны может считаться в основных чертах изученной. Сошлемся, например, на фундаментальную монографию У.Герберта «Иностранные рабочие. Политика и практика использования иностранцев в хозяйстве военного времени в Третьем рейхе» (в приложении к которой приведена обширная библиография вопроса) и книгу П.Поляна «Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация»².

Можно сказать, что довольно детально, с привлечением обильной документации изучена «внешняя» история остарбайтеров — история их депортации, распределение по отраслям немецкой экономики, распоряжения германской администрации, касавшиеся остарбайтеров, история лагерей и их размещение на территории Германии и т.д. Объективно обрисованы ужасающие условия их существования и труда. Вместе с тем внутренний мир остарбайтеров, их повседневный быт и их реальный менталитет до сих пор остаются малоизученными. Более того, до сих пор в распоряжении историков не было адекватных документов, которые позволили бы углубиться именно в эти проблемы.

В России опубликовано несколько десятков мемуарных и исследовательских книг и сотни статей, в которых содержатся весьма ценные сведения об организованных формах движения сопротивления на оккупированных территориях и в немецких лагерях, разработана история депортации населения и статистика многомиллионных жертв, но сравнительно немного сведений об основной массе остарбайтеров. Массовые воспоминания до недавнего времени собирались мало и почти не публиковались в их натуральном виде.

В последние годы усилиями российского Общества «Мемориал» было собрано значительное число писем бывших лагерников и батраков, работавших в немецком сельском хозяйстве в годы войны. Поток писем в известной мере был усилен проникшими в прессу сведениями о том, что правительство Германии намеревается рассмотреть вопрос о компенсационных выплатах бывшим остарбайте-

² Ulrich H. *Fremdarbeiter: Politik und Praxis des «Auslandereinsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches*. Berlin, Bonn, 1986. 493 S. (библиография на с. 454–478); Полян П. Указ. соч. М., 1996. 442 с. (библиография на с.412–416; приложения на с.358–407); Белорусские остарбайтеры: Угон населения Белоруссии и их принудительные работы в Германии: Документы и материалы. В 2 кн. Кн. 1. 1941–1942 гг. Леинст, 1996. 302 с.; Schwarze G. *Kinder, die nicht zählten: Ostarbeiterinnen und ihre Kinder im Zweiten Weltkrieg*. Essen, 1997. 336 S.

рам. Среди подобных писем есть несомненно ценные, и они еще будут изучаться. Однако все эти документы созданы только через сорок-пятьдесят лет после пережитого.

Значительно больше и раньше было сделано русскими, украинскими и белорусскими фольклористами. Еще в ходе войны и особенно после ее окончания интенсивно собирался фольклор, бытовавший и возникший в те годы — фронтовой, партизанский, характерный для оккупированных областей и, наконец, фольклор остарбайтеров. В славянской фольклористике появились новые термины: «невольничий фольклор», «песни полонянок», «песни непокоренных» и др. В фольклорных архивах и частных собраниях накоплено значительное число текстов, выделены тематические и жанровые группы, изучены их стилистика и содержание, соотношения с народно-песенной традицией и устной прозой предыдущих десятилетий и т.д.³

Настоящая публикация имеет целью ввести в научный обиход и сделать известным более широкому кругу читателей источник нового типа, который дает нам косвенную возможность проникнуть в весьма своеобразный мир остарбайтеров, или, по выражению У.Герберта, «лагерный космос» в годы войны. Назовем этот источник «Фрейбургской коллекцией». Коллекция сформировалась в 1942–1944 гг. История ее такова.

В 1991 г. при ремонте здания известного фольклорного центра «Немецкий архив народной песни» (Фрейбург) был обнаружен забытый всеми картонный ящик. На первый взгляд это кажется невероятным. В архиве, прославленном своей четкой организацией, коллекция, состоящая более чем из 1300 карточек, осталась с 1944 г. не зарегистрированной и хранилась в углу мансарды вместе с какими-то ненужными бумагами и дублетами книг. Однако случилось... Коллекция содержит выписки из писем остарбайтеров, собранные в 1942–

³ См.: Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993; Мельц М.Я. Народно-политическое творчество Великой Отечественной войны: Материалы к библиографии (1941–1945) // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С.414–467. Там же см. указания на материалы в фольклорных архивах (с.310–413). Дальнейшая библиография — Мельц М.Я. Русский фольклор: Библиографический указатель, 1960–1965. Л., 1967; 1966–1975. Л., 1984; 1976–1980. Л., 1987; 1981–1985. СПб., 1993; Крупянская В.Ю., Минц С.И. Материалы по истории Великой Отечественной войны. М., 1953. 211 с. На белорусском языке: Грынблат М.Я. Беларуская этнаграфія і фалькларыстыка (1945–1970). Мінск, 1972. С.234–236; Паззія барацьбы. Мінск, 1985 (библиография на с.379–381); Песні савецкага часу. Мінск, 1970 (раздел «Песні Вялікай Айчыннай вайны», с.187–292, 524–541); Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны. Мінск, 1961 (библиография на с.562–563). На украинском языке: Українські радянські народні пісні. Київ, 1955; Українська народна поезія про Велику Вітчизняну війну. Київ, 1953; Радянська пісня. Київ, 1967 («Пісні Великої Вітчизняної війни», с.203–279); Співанки-хроніки: Новини. Київ, 1972 (Велика Вітчизняна війна, с.241–260).

1944 гг. одним из цензоров. Подобные цензурные группы первоначально подчинялись военной администрации, а к концу 1944 г. были переподчинены гестапо. Первой публикацией, связанной с «фрейбургской коллекцией», стала статья Б.Е.Чисовой и К.В.Чисова «Преодоление рабства. Фольклор и язык “восточных рабочих”»⁴. Коллекция упоминается также в называвшейся выше книге П.Поляна «Жертвы двух диктатур» (с.165) на основании сообщений немецких газет о подготовке «фрейбургской коллекции» к изданию.

Почтовая переписка была разрешена остарбайтерам с июля 1942 г. Она должна была ослабить нараставшее недовольство жестоким режимом и сопротивление набору все новых партий невольников. Разумеется, при этом было запрещено писать о самом главном — о нечеловеческой жестокости лагерной охраны, о болезнях, голоде, об антисанитарных условиях быта, о бомбежках, о впечатлениях от вестей и слухов с фронта, об отношении местного населения к невольникам и т.д., т.е. о том, о чем больше всего хотелось писать, что и составляло главные «новости» безрадостной лагерной жизни.

К сожалению, мы ничего не знаем о составителе этой замечательной коллекции. Как военный цензор он не имел права на сентиментальную снисходительность. Корреспонденты должны были быть и для него только рабочей силой, которую предстояло бескомпромиссно использовать для победы нацизма. Но создать такую коллекцию мог только человек, увидевший в массе остарбайтеров не стадо рабов, а человеческий мир, интересный для углубленного изучения, имеющий свои традиции, свою поэзию, свою культуру, хотя, казалось бы, те унижения, которым они подвергались ежеминутно, должны были обезличить и раздавить их. Он не только должен был прочесть тысячи писем, но и стремился выписать все, что казалось ему достойным внимания и необходимым для изучения этого нового для него мира, систематизировать хотя бы предварительно эти выписки и тщательно перевести каждую из них на немецкий язык. Это было скрупулезное изучение не отдельных людей, а именно среды остарбайтеров — общности, созданной против их воли, но объединенной трагической судьбой. Несомненно, что составитель коллекции был подготовлен к такому подвигу, иначе невозможно было бы разобраться в вавилонском смешении людей, языков, традиций, возникшем в результате депортации жителей разных областей. Для этого надо было хорошо знать и русский, и украинский, и белорусский, и, вероятно, в какой-то мере польский языки и не смущаться почти непрерывными диалектными вкраплениями. Вероятно, за этим стояло не только немецкое университетское образование слависта, но и

⁴ Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. СПб., 1994. С.138-149.

более или менее длительная практика общения с населением западно-украинских и западнорусских областей⁵. Есть также некоторое основание предполагать, что составитель был немцем, родившимся или прожившим в России, и, главное, ориентировался в некоторых проблемах фольклористики и этнографии. В этом убеждает и его стремление передать зафиксированные фрагменты текстов (реже — целые тексты) в их натуральном виде. Видимо, он понимал, что смешение языковых элементов, ошибки и смешение орфографических правил трех литературных языков — показатели определенной локальной речевой ситуации и уровня культуры, безусловное влияние школьного образования и безусловный недостаток его. Как это принято у профессиональных фольклористов, он без устали фиксировал сходные тексты и их варианты, даже когда речь могла идти не о существенном варьировании, а о словесном вибрировании (осцилляции). Так, например, в коллекции имеются 31 вариант одного и того же «кругового письма», целая серия текстов, повторяющая тему «лети, листок» (письмо), и т.п. Карточки, составляющие коллекцию, подвергались обработке по мере их поступления. Они переписывались и снабжались переводом и различного рода пометами — жанровыми, тематическими (на основе которых та или иная карточка занимала место в картотеке), географическими и оценкой степени распространенности (особенно для отдельных слов и выражений).

Несколько раз встречается помета «распространено в России до 1914 г.». Речь идет явно не о каких-либо восточнославянских словарях или лексикографических исследованиях, на которые мог опираться составитель, а о начале первой мировой войны, с которой был связан отъезд определенной части российских немцев из России. Только однажды назван 1917 год — год февральской и октябрьской революций, вызвавший новую волну миграции. Не связано ли это с судьбой самого составителя?

Карточки коллекции были расположены по рубрикам: «Лексика», «Речевые обороты», «Фольклор», «Сновидения», «Пророчества», «Круговые письма», «Народная медицина».

Работа над коллекцией была прервана или прекращена в конце 1944 г. Она была отослана во фрейбургский архив с сопроводительным письмом из почтовой цензуры Управления тайной полиции (гестапо) за подписью подполковника, фамилия которого не поддается

⁵ Это подтверждается географическими пометами, которыми снабжены карточки со словами, записанными прямо от носителей диалектов. Они охватывают обширную белорусскую и украинскую территорию (Подолія, Галиция, Полесье, и даже Восточная Белоруссия до Минска и Могилева, и Украина до Винницы) и территорию, простирающуюся на севере до Витебской и даже Ленинградской области. При этом особенно часто встречаются Брест-Литовск, Кобрин, Пинск.

бесспорной расшифровке — Томан или Tomas? Особенность этой фамилии — отсутствие «h» после «Т», что встречается в немецких фамилиях довольно редко. Кто послал картотеку во Фрейбург, сам составитель или кто-то другой, остается неизвестным. Приводим перевод этого письма⁶.

Берлин № 9
25.10.1944

Государственная тайная полиция
Управление государственной полицией
г.Берлина
Отдел цензуры писем иностранцев
№ 14755 (44/IV)

Господину Джону Майеру
Фрейбург/Брейсгау
Этнографический музей

Отдел цензурного контроля писем иностранцев г.Берлина с 1942 г. подвергает цензуре письма рабочих, вывезенных с востока. При проверке этой почты набралось значительное количество фольклорного и лингвистического материала на русском и украинском языке, который мы посылаем Вам вместе с этим письмом для дальнейшего использования.

Просим сообщить, оказался ли этот материал полезным для вашего архива.

Хайль Гитлер!

(1 картонная коробка письменного материала).

Подполковник Томан (Томас?).

Сопроводительное письмо было подписано подполковником (Obersileutnant), а не старшим лейтенантом, как указано у П.Поляна (с.165). Перевод письма в книге Поляна содержит некоторые неточности. Так, например, коллекция была прислана в архив не для «дальнейшей проверки», а для «дальнейшего использования» (zur weiteren Verwertung).

Картотека была послана основателю и директору Немецкого архива народной песни во Фрейбурге, одному из крупнейших немецких фольклористов XX в. профессору Дж.Майеру. Вот перевод его ответного письма:

⁶ Обращает на себя внимание то, что в письме упоминаются русский и украинский языки и не упоминается белорусский, которым составитель коллекции владел так же хорошо, как и двумя другими восточнославянскими языками.

Не является ли это свидетельством того, что коллекция была прислана во Фрейбург не самим составителем коллекции? Однако одного этого довода мало для окончательного заключения.

Профессор Джон Майер
Ф(рейбург)

На №14758 (44/IV)

В отдел цензуры писем иностранцев
Управления государственной полиции
г.Берлин
ул. Шеллинга, 1.

Мы подтверждаем получение этнографического материала, который вы собрали при контроле почты рабочих с Востока и выражаем вам нашу горячую благодарность за проявленный вами подлинный интерес к фольклорному исследованию. Это собрание очень ценно прежде всего тем, что оно вместе с цельными текстами содержит также фрагменты из народных песен. После заключения мира можно будет, наверное, написать на этом материале интересную статью, которая покажет, в какой степени эти народы владеют народной традицией и ценят ее, что эти устоявшиеся поэтические образы и формулы служат для них заменой там, где народ из известного опасения не хочет прямо выразить свои чувства и ощущения.

Поэтому мы были бы вам очень благодарны, если бы вы и в дальнейшем присылали нам подобный материал.

Хайль Гитлер!

Союз немецких этнографических обществ.

Проф. Джон Майер.

Свидетельством профессиональной компетентности составителя коллекции можно считать сам факт отсылки коллекции во фрейбургский архив — авторитетный фольклорно-этнографический центр Германии. И все-таки остается еще много вопросов: почему после 1945 г. составитель не продолжил работу над коллекцией? Почему она оказалась в архиве незарегистрированной? На первый из этих вопросов до установления личности собирателя ответить нельзя. Мы не знаем, пережил ли он войну. К октябрю 1944 г. поражение Германии уже не вызывало сомнений. Вся территория Советского Союза была освобождена, Финляндия капитулировала. Бои велись в Польше, Восточной Пруссии, Венгрии и Югославии. Болгария и Румыния выбыли из войны. Был открыт Второй фронт. Железное кольцо сжималось. Интенсивность бомбежек продолжала нарастать. Переписка оstarбайтеров с родственниками не могла не прекратиться. Над жизнью каждого немца, тем более причастного к деятельности гестапо, нависла реальная угроза.

Фрейбургский архив мог быть избран еще и потому, что он расположен в городе, лежащем в самом дальнем юго-западном конце Германии. До отсылки коллекции составитель, видимо, не имел контактов ни с архивом, ни с Дж.Майером. Об этом свидетельствует адрес

на коробке с картотекой. Она была адресована во Фрейбург без точного адреса (просто — Freiburg), с неточным названием архива (Volkskundliche Sammelstelle), с ошибочным написанием фамилии директора (Meyer вместо Meier). Б.Джемс-Боок, библиотекарь фрейбургского архива, обнаружившая коллекцию, высказала правдоподобную гипотезу. В июне 1944 г. отмечалось 80-летие Дж.Майера. По радио прозвучало его интервью, хранящееся ныне в архиве. Не внушило ли это составителю коллекции или близкому ему человеку мысль послать коллекцию именно во Фрейбург и именно Дж.Майеру?

Последние месяцы войны отличались особенным ожесточением военных, партийных нацистских кругов и населения по отношению к остарбайтерам: в них персонифицировались катастрофические бедствия, в которые была вовлечена Германия. Лагерники предпринимают неоднократные попытки вырваться из лагерей, пользуясь бомбежками, ослаблением охраны и т.д.; по стране начинают бродить группы беглых лагерников, ищущих укрытия и пропитания. Среди них распространяются слухи о том, что перед своей гибелью нацисты расправятся с остарбайтерами и пленными (по крайней мере отчасти эти слухи оправдались). В такой ситуации хранение коллекции могло оказаться небезопасным.

27 ноября 1944 г., т.е. через 18 дней после ответа Дж.Майера, Фрейбург подвергся сильнейшей бомбежке, разрушившей значительную часть города. Город лишился электричества, водоснабжения и т.д., но здание архива не пострадало. К этому времени единственный оставшийся сотрудник Дж.Майера переехал в Санкт Петер, так как дом его был разрушен. Майер, в предвиденье новых налетов, стремится рассредоточить архив в пригородах, думает о возможности эвакуации архива в Швейцарию. Мужество и энергия 80-летнего ученого достойны удивления.

Естественно, что, как и в последующие месяцы, ознаменовавшиеся разгромом Германии и оккупацией Фрейбурга французскими войсками, Дж.Майеру было не до коллекции, присланной из гестапо. Кроме того, в штате архива не было ни одного слависта. В 1952 г. Дж.Майер, возможно, единственный, кто знал о существовании коллекции, скончался. Коллекция была потеряна до 1991 г.

И вот пришло время исполнить завещание Дж.Майера, понимавшего важность народной поэзии и ее изучения в годы бедствий, о чем очень ясно свидетельствует его замечательное письмо.

История коллекции может, со своей стороны, внести новые краски в оценку фольклористической деятельности Дж.Майера и созданного им архива. Известно, что его политическая и научная позиция в годы нацизма, как и судьба архива в те годы, неоднократно обсуждалась в немецкой фольклорно-этнографической печати и на различного рода

форумах. Изучение документов, хранящихся в фондах архива и в личном фонде Дж.Майера, показало, что он, несмотря на известный практицизм и осторожность (или, может быть, именно с их помощью), сохранил в годы нацизма независимую позицию. Так, например, он сумел дипломатично отклонить официальное требование подчинить архив нацистскому «Ahnenerbe» (обществу «Наследство предков») и другим нацистским организациям. Дж.Майер не был «диссидентом»-антифашистом, он не боролся с фашизмом открыто, но, опираясь на свое патрицианское достоинство, экономическую независимость и авторитет ученого, не позволил вовлечь себя и архив в расистские спекуляции. Архив в эти годы работал так, будто ничего не случилось. Об этом, например, свидетельствуют его требование восстановить переписку с известным советским филологом В.Жирмунским, о котором официальные власти сообщали, что он «неарийского происхождения», прием на работу в архив в разгар войны литовского фольклориста Й.Балиса и т.п.

Итак, внешняя история коллекции восстанавливается только в самых общих чертах. Вполне вероятно, что на первом этапе работы составитель интересовался преимущественно лексикой остарбайтеров. У него, видимо, не было полевого опыта диалектолога. Он фиксирует как незнакомые ему слова, принятые в литературном языке (или в одном из трех литературных языков), так и диалектизмы, или жаргонизмы, и слова из воровского сленга и стремится снабдить их указанием на конкретную деревню, край или область (Подоллия, Галиция, Пинск, Брест-Литовск и т.д.), или даже просто — Украина, Белоруссия, либо — «широко распространено». Встречающаяся на словарных карточках пометка «не из почты» говорит о том, что, когда составитель коллекции стал регулярно делать свои выписки, он продолжал собирать и устный лексический материал, следовательно, продолжал общаться с остарбайтерами. В коллекции встречается также некоторое количество карточек, заполненных не его почерком, а чужим, по начертанию, возможно, девичьим (№ 276, 465, 492, 501, 518, 623, 630, 754 и др.); как правило, эти тексты отличаются большей грамотностью и более или менее правильной пунктуацией.

Пометы собирателя на карточках обозначают, куда было направлено письмо. Это могло совпадать с районом, из которого происходил отправитель, или не совпадать. Тем более это ничего не говорит о передвижениях составителя в годы войны. К нему попадали письма из многих оккупированных районов. Они посылались преимущественно из лагерей на территории Германии, видимо, из каких-то лагерей оккупированных районов и, вместе с тем, из Финляндии, Норвегии и Франции. В коллекции относительно много карточек, адресованных в Брест-Литовск, Брест-Литовскую область и различные районы Полесья (Кобрин, Пинск, Дрогичин, Давидгородок и др.).

Собрание лексики продолжалось вплоть до 1944 г. На единственной датированной карточке со словом «баланда» читаем: «Ab 1944 wird dieses Wort in den Postkarten seltener gebraucht (augenscheinlich unter dem Einfluß der Zensur)», т.е. «с 1944 г. это слово употребляется реже, возможно, под влиянием цензуры».

Рубрики нашего издания неизбежно не совсем совпадают с наменными предварительно составителем коллекции в процессе скорее собирательской, чем исследовательской деятельности. Так, в разделе «Лексика» в алфавитном порядке собирателем представлены слова, показавшиеся ему интересными по тем или иным причинам. Иногда это новые для него слова и их значения, неологизмы, созданные войной, жаргонизмы, слова воровского сленга и др. Мы сочли необходимым выделить также в отдельный раздел слова и выражения, употреблявшиеся в качестве эвфемизмов. Необходимость прибегать к эвфемизмам диктовалась условиями быта оstarбайтеров и их почтовой переписки. Выделяются в отдельный раздел и слова, порожденные восприятием на слух немецкой лексики, с уподоблением славянским грамматическим формам (придание немецким глаголам украинских окончаний, окончания «а» словам женского — по-русски — рода: бетка, фройляйнда, — что представляет явный лингвистический интерес), и редкие случаи «народной этимологии», возникающей при усвоении иностранных слов с неясной внутренней формой и включающей в слово оценку предмета или явления говорящим. Например, «холераба» (от Kohlrabi — кольраби — сорт капусты) — ассоциация с «холерой», в связи с тем, что в питании оstarбайтеров изобиловал этот овощ. Или «выкувыренный» и «овойрований» от «evakuieren» по ассоциации с глаголами «выковыривать» (снимать с насиженного места) и «обворовывать».

Четко очерчены собирателем только разделы о снах и пророчествах, «Круговые письма» и малоинтересный и небольшой по объему раздел «Народная медицина». Раздел «Redewendungen» (Речевые обороты) содержит многообразные лексические явления — от сравнений и метафор, большого числа эвфемистических выражений до поговорок и пословиц. Совершенно недифференцирован самый большой раздел коллекции — «Volksdichtung» (Народная поэзия), куда вошли тексты (или фрагменты текстов) самых разнообразных жанров устной и письменной народной словесности — от частушек до причитаний и песен, а также большинство разнообразных почтовых стереотипов. Как ни трудно подчас идентифицировать отдельные жанры по отрывкам, мы все-таки попытались представить содержание коллекции в более четком и определенном виде.

С наибольшей отчетливостью и силой эмоциональное напряжение, в котором постоянно находились оstarбайтеры, отразилось в разделе

лах «Пересказы снов и пророчества» и «Круговые письма и молитвы», намеченных составителем и сохраненных в нашем издании. Не исключено, что они оказали решающее влияние на формирование коллекции. Доводом в пользу этого нам представляется тот факт, что тексты в этих двух разделах в основном даются на немецком языке в переводе (или пересказе), а не в оригинальном виде. Очень отчетлива направленность этих текстов на религиозно-магическое истолкование ситуации и способы преодоления ее либо на предсказание в духе традиционных предреканий будущего. Эти типы выражения эмоций — одно из самых убедительных, хотя и косвенных свидетельств того, каков был менталитет оstarбайтеров в те тяжелые годы.

Если наши предположения о постепенном прояснении цели собирания коллекции, ее границах и составе верны, то это значит, что она создавалась не по предписанию начальства, а по частной инициативе. Трудно представить себе, что служебная инструкция могла так эволюционировать. Да и кому нужны были украинские, белорусские или русские тексты вместо обобщенного донесения о настроениях лагерников или батраков.

Тексты, относящиеся к разделам «Пересказы снов и пророчества» и «Круговые письма», возникли и функционировали на грани между устной и письменной сферами традиционной народной словесности. Они невелики, но дают общее впечатление о характерных настроениях оstarбайтеров в 1942–1944 гг. В снах прежде всего сказывается естественное желание возвратиться домой. Они насыщаются тревожными и трагическими эмоциями. Мирные обыденные картины, навевающие ностальгию — семья за столом ест вареники, все копают картошку, мать белит хату и т.д., — сопровождаются зловещими видениями — пылает заря на востоке, лагерь залит кровью, у родного дома обгорела крыша, отца хотят убить или повесить, подруга по дороге домой попадает в болото, гадина сосет кровь, пока ее не убивает сосед, отец сам поджигает хату и т.п. По дороге домой надо карабкаться на гору, и это никак не удастся, путь преграждает река. Даже если суждено дойти домой, самое страшное случится через неделю, месяц, два года. Сны полны предчувствием освобождения, конца войны, надежды на возвращение домой и, вместе с тем, почти все без исключения дискомфортны. Освобождение придет, но за него будет заплачено дорогой ценой. Оптимистический сюжет окрашен трагически. В некоторых снах как будто отразились мотивы, широко известные по библейской эсхатологии и по апокрифическим рукописям русского средневековья (т.н. «Сны Шахаиши» и др.). Однако ситуация тех лет была такова, что мотивы эсхатологического типа вполне могли сформироваться спонтанно.

И все же отметим глубокую традиционность некоторых мотивов — переправа через реку, карабкание через гору, вампиризм, сражение с чудовищем (змеей). Все они известны нам по средневековой письменности и поздним фольклорным отражениям (например, в русских причитаниях). Два первых из них обычно обозначали трудный переход в мир иной.

К снам примыкают «пророчества» (всего пять текстов). Они тоже говорят о конце войны, но предсказывают вместе с тем катаклизмы и трагические переживания — ужасную битву, море крови, много раненых, половина человечества погибнет (№ 429; все это должно произойти с июля по август 1943 г.). В пророчестве на карточке № 431 говорится о том, что война, по «пророчеству Брюса», должна была продлиться семь лет и семь месяцев, однако теперь назначен новый срок: война должна теперь окончиться в октябре 1944 г. Письмо датировано 23 марта 1944 г. Здесь весьма интересно упоминание Якова Брюса — генерал-фельдмаршала при Петре I, известного также своими переводами, составителя гражданского календаря 1709–1715 гг., который был еще в XIX в. приспособлен для гаданий и получил очень широкое распространение среди городского и деревенского населения России, Украины и Белоруссии параллельно с т.н. «Сивиллиной книгой», «Гадательной книгой царя Соломона» и др.

Значительный интерес представляет раздел «Круговые письма». Он содержит 31 текст и, по-видимому, является самой значительной из известных коллекций русских «круговых писем»⁷. В русской филологии до сих пор не установлен общепринятый термин, обозначающий такие «письма». Объясняется это не только относительно поздним распространением их в России⁸, но и тем, что в XIX в. и до 20–30-х гг. XX в. архаическая устная традиция у восточных славян

⁷ На шести карточках отмечается, что в руках у составителя побывало еще 17 текстов, совпадающих с фиксированными. Следовательно, он видел 48 «круговых писем».

«Круговыми» мы называем письма, которые рассылаются для того, чтобы быть посланными дальше в определенном количестве («всерообразно»); им приписывается некое воздействие на жизнь того, кто будет или не будет способствовать их распространению. В немецкой филологии употребляется термин «Kettenbriefe» (цепные письма) или «Himmelsbriefe» (небесные письма, так как их первичное появление приписывается Христу, Богородице или кому-нибудь из святых).

⁸ Отметим наиболее значительные исследования: Веселовский А.Н. Опыты по истории развития христианской легенды: Эпистолия о неделе // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Март. С.50–116; Сидельников А. Из истории «Эпистолии о неделе» // Slavia. T.XI. Praha, 1932. С.56–72, 274–292; Лурье В.Ф. «Святые письма» как явление традиционного фольклора // Русская литература. 1993. №1. С.144–149; Wrocławski K. List z nieba czyli epistola o niedzieli. Warszawa, 1991.

О немецких Kettenbriefe см.: Spamer A. Himmelsbriefe der deutschen Mystik. Gießen, 1938; Wörterbuch der deutschen Volkskunde von O.Erich und R.Beitl. 3. Ausgabe / Neu bearbeitet von R.Reite. Stuttgart, 1974. S.362–363, 441–442.

была еще очень сильна. Явления маргинальные на фоне общего массива казались не заслуживающими специального внимания.

Все карточки с «круговыми письмами» были заполнены составителем коллекции очень быстро — за пять месяцев (с декабря 1943 по апрель 1944 г.). Давно замечено, что бытование «круговых писем» становится особенно активным в периоды значительных социальных кризисов. Именно таковы и были трагические месяцы первой половины 1944 г., когда исход войны обозначился уже ясно, но гигантская схватка еще длилась. Коллекция «круговых писем» уникальна не только числом текстов, но и четкой прикрепленностью их именно к ситуации 1944 г.

Известно, что корни подобных «писем» в европейских странах уходят в глубокую древность. Первое упоминание о них относится к 584 г. — в связи с сомнениями в подлинности и возможности приписывать их самому Христу. Однако неприязненное отношение церкви не смогло остановить распространение «небесных писем» и связанной с ними легенды. Они циркулировали как апокрифы на обширном пространстве от Исландии до Сибири и христианских общин Индии⁹. Восточнославянская традиция в XX в. изучена недостаточно, но очевидно, что она имеет какие-то связи с балкано-славянским православием и частично в своей украинской ветви испытала некоторое влияние западнославянской (польской) традиции.

В.Ф.Лурье в упомянутой статье предлагает выделить три типа русских «круговых писем»: а) «святые письма», связанные с религиозной традицией, распространение которых означало коллективное приобщение к святой молитве. Текст, согласно легенде, приписывался Христу, Богородице, св.Петру и т.п. или был доставлен на землю другим чудесным путем; б) «письма-счастье», переписка и распространение которых должны принести счастье, добрую новость, богатство и т.д. Нейсполнение этого веления повлечет за собой кару — смерть, болезнь, разорение и т.п.; и, наконец, в) «письмо-игра». В нем вместе с текстом предлагается послать 5 рублей (или иную сумму) и ожидать, что рассылка писем в конце концов, когда круг будет завершен, принесет значительно больше.

⁹ Обзор современных сведений о «небесных письмах» у славян см.: Wrocławski K. Указ. соч.; Бадаланова Ф. Апокрифичен текст и фолклорен контекст // Славянская филология. Т.21. София, 1993. С.114–123. В статье Бадалановой сообщается о собранной М.А.Мухлиным (Москва) коллекции «круговых писем», содержащих вполне современные мотивы. Среди людей, которые не последовали совету переписать письмо в требуемом количестве экземпляров и разослать их, называется маршал М.Тухачевский (был расстрелян) и Н.Хрушев (отстранен от власти), среди действовавших согласно требованиям письма и вознагражденных за это — популярная певица А.Пугачева и т.п. (с.123); Kõiva M. Õnnel polehinnda [У счастья цены нет] // Koolepärmus [Школьный фольклор]. Tartu, 1993. С.12–15, 44–48 (со ссылкой на статью W.Andersen «Kettenbriefe» in Estland» [1937]).

«Круговые письма» «фрейбургской коллекции» образуют три разновидности первого типа. Простейшая из них — обращение к Христу, просьба простить грехи, даровать благословение и спасти в тяжелую годину. Письменное закрепление текста молитвы-письма, так же, как и копирование и распространение, должно повысить его сакральную действенность. «Письмо» всегда надо иметь при себе. Таких «писем» в коллекции большинство (23 текста). Они повторяют друг друга дословно. Поэтому мы публикуем только необходимые образцы (№ 367 и 371 — по-русски, № 359 — по-украински, № 386 — по-польски и № 366 — по-русски, записанное по-польски и, видимо, происходящее из среды белорусов-католиков). «Письма» второй разновидности более пространны и содержат некоторые элементы легенды о происхождении «святого письма». И наконец, к третьей разновидности следует отнести два текста, представляющие особую ценность. Они свидетельствуют о том, что архаическая традиция «писем», связанных с легендой, к 1944 г. не угасла. Первое из них (№ 358) весьма поэтично, начинается оно с афоризма, который должен был восприниматься в 1944 г. как особенно актуальный: «А вот я вам напишу, что лучше всего на свете это есть жизнь — Молитва, Молитва, Иисуса Христа». «Письмо» идет от Иисуса Христа, оно было обретоно в Киево-Печерской лавре, писано золотыми буквами и раскрылось людям у образа апостола Михаила¹⁰. Люди столь грешны, что они будут наказаны ветром и огнем. Бог напустит царя на царя, и будет кровопролитная война. Наказание было бы еще ужаснее, если бы не заступничество пресвятой Богородицы. «Письмо» призывает хранить имя Христа в тайне. На каждом столько грехов, сколько звезд на небе, песка в море, травы на земле, однако этим «письмом» он будет прощен. К сожалению, это «письмо» составитель по каким-то причинам не смог переписать до конца¹¹.

Второе «святое письмо» (№ 381) велико — оно записано на шести карточках. К сожалению, оно не дается в оригинале, а только в переводе на немецкий язык. В отличие от других оно не датировано. Не было ли оно зафиксировано на начальном этапе создания коллекции, как и некоторые «сны»? Это одно из интереснейших известных нам русских «святых писем». Мы рекомендуем читателю внимательно

¹⁰ Эти два элемента ведут нас к польской традиции «*lista z nieba*» (см.: Wrocławski K. Указ. соч. S.67). Вместе с тем здесь не говорится, что письмо было скрыто в камне, упавшем с неба, что характерно для западно- и южнославянских «небесных писем».

¹¹ Остарбайтеры имели право писать письма только на открытках. Некоторые, особенно длинные письма, видимо, писались на нескольких открытках, посылавшихся одновременно. В выписках «фрейбургской коллекции» несколько раз встречается слово «роскрытка» — примечательная этимологизация литературного «открытка».

прочитать его, чтобы не приводить текст здесь целиком. Обратим внимание только на наиболее существенные его особенности.

Большой интерес представляет содержащаяся в нем легенда о происхождении «святого письма». В письме сообщается, что в 1791 г. оно было ниспослано с неба «на голубое дерево» и написано было «золотыми буквами». Составитель коллекции обращает внимание на то, что голубое и золото — цвета украинского национального флага («жовто-блакитний»). Между тем известен довольно широкий круг русских, украинских и белорусских легенд, в которых фигурирует «золотая грамота» (об освобождении крестьян от крепостной зависимости и др., утаенные владельческие документы, написанные золотыми буквами, и т.п.). «Золотой» в фольклоре восточных славян, в том числе и духовных стихах, — обычный идеализирующий эпитет, обозначающий наивысшее качество. В знаменитом стихе «Голубиная книга» — божественные словеса наивысшей мудрости тоже упали («выпали») с небес на землю, подобно «святым письмам» и целому ряду других божественных посланий. Дерево, о котором идет речь в тексте № 381, явно символизирует мировое дерево (*arbor mundi*). Оно «голубое», т.е. «голубиное»; по крайней мере, скорее всего понималось именно так — небесное, связанное со Святым духом, символ которого — голубь.

Легенда сопровождается некоторыми деталями, которые должны были сообщать ей убедительную достоверность. Письмо будто бы никто не мог прочитать до 1913 г. (вероятно, и тут имеется в виду канун первой мировой войны!). Оно призвано защитить того, кто будет его переписывать и всегда держать при себе (от пули и меча, от злого человека и разбойника, роженицу — от трудных родов и т.п.). Кроме того, здесь говорится о необходимости чтить воскресенье как особый день недели, который освобождает человека от труда и должен не оскверняться грехами. Это заставляет вспомнить известную «Эпистолию о неделе», связанную с введением особого почитания воскресенья («недели») и отразившуюся в целом ряде сочинений средневековых вероучителей (архиепископа Евсея, отца Иакова и др.)¹².

Интересующий нас текст насыщен жестокими апокалиптическими угрозами неверующим и нарушителям предписаний «письма» (голод, чума, болезни, война, провал земли и невозможность избежать кары на Страшном суде и т.д.). Внушаются и вполне светские моральные правила (чтить отца и мать, не стремиться к богатству, помогать бедным и страждущим и т.д.).

И, наконец, в «письме» фигурируют загадочные (эниматические) мистические буквы и цифры, которые якобы изначально были в Хри-

¹² См.: Гальковский М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т.1. Харьков, 1916. С.335.

стовом «письме» — 18,R,Z,Ъ (характерно здесь сочетание латиницы и кириллицы) и в конце письма — 17,K,Z,R,S,L,P,E,S,K,C,N,R,Z,NR,Z,Z,888 K,U,ZU,888,W,B. «Письмо», как обычно, предписывается переписывать, перечитывать, рассылать и хранить постоянно при себе — это должно обеспечить максимальное использование сакрального и мистического потенциала «святого письма», помощь и защита которого столь необходимы в годину бедствий.

Историки, занимавшиеся оstarбайтерами, не сомневаются в том, что отправителям было известно о существовании жестокой цензуры. Получив право на переписку, они, как и следовало ожидать, не получили права писать о том, о чем хотелось и надо было писать, хотя оstarбайтеры не располагали никакими подлинными военными секретами. Известно, что работавшие на секретных военных объектах или на их строительстве (обычно мужчины-военнопленные) были в строгой изоляции, а после завершения работ уничтожались.

Любое письмо в таких условиях могло содержать только одну, точнее — одну и ту же, хотя и важную информацию — сообщение (или «сигнал») о том, что отправитель письма еще жив. В сборнике статей «Национал-социалистская система лагерей», изданном в 1990 г. под редакцией М.Ваймана, упоминались документы, свидетельствующие об обычных судьбах оstarбайтеров. Упоминания эти обобщены в выразительных формулах: «Принудительные работы были только способом постепенного уничтожения» или «Уничтожение работой».

Жизнь могла предложить авторам письма только два выхода: попытаться написать что-то существенное о себе и о своей жизни, игнорируя цензуру, либо хоть что-то рассказать о себе намеками или эвфемизмами. Первый путь был опасен — могли последовать перевод в штрафной лагерь, обвинение в шпионаже, физическая расправа.

И все-таки во «фрейбургской коллекции» есть некоторый массив писем, в которых прямо говорится о тяжести лагерного быта. Их немного, но они примечательны как проявления отчаянной смелости. Оценка ситуации, в которой оказались авторы писем, обычно чисто эмоциональная — лагерный быт при этом обозначается некоторыми приметами. Так, в целом ряде частушек, о которых позже еще пойдет речь, называются бараки, барачные койки (не кровати, а именно койки — как у арестантов в тюрьмах), пища определяется словом «баланда».

Надоїли мне бараки,
Надоїла мне біда,
А ще гірше надоїла
Із травою баланда! (№ 540)

Надоели мне бараки,
Надоели мне койки,
Надоело мне жить
На чужой сторонке! (№ 1124)

В редких случаях прямо говорится о голоде:

Ляжу спать на кровать
і накриюсь з головою,
А та обрушина хліба, що осталось,
Ні дає спокою. (№ 535)

Или вполне конкретно: «Суп такой: шо крупа крупу догоняет» (№ 328).

В перетекстовке популярной песни «Раскинулось море широко...», говорится о тяжелой необходимости выносить постоянное унижение со стороны местного населения:

С бедою коварной бороться нет сил,
Все люди тебя презирают:
Смотри, оборванец и пленник идет!
Все двери пред ним закрывают.

.....
Идет он голодный, усталый, больной
Как малый ребенок рыдает. (№ 557)

В другой перетекстовке той же песни:

А мимо проходит германский народ
И смотрит с каким-то укором,
Как будто для них мы есть злые враги,
Разбойники, плуты и воры... (№ 551)

Не случайно подобные строки, не имевшие шансов пройти цензуру, оказались в составе перетекстовок. Мой собственный опыт пребывания в немецком плену убеждал в том, что пение перетекстовок на известные мотивы было одним из наиболее безопасных способов высказаться. При приближении тех из охраны, кто знал язык и наиболее популярные песни, переходили на исходный текст, не имевший политического смысла.

Послевоенное изучение фольклористами репертуара лагерной песни оstarбайтеров показало наличие значительного числа произведений, прямо связанных с движением сопротивления, партизанским движением и т.д. Все это не могло попасть в письма. В них лишь изредка проскакивает нечто, связанное с недовольством лагерной жизнью и попытками сопротивления (так, на карточке № 316 говорится о действиях партизан). Не менее редки и резкие формы поэтического обобщения ситуации. Например, в некоторых письмах мы

находим явное влияние библейских эсхатологических ожиданий: из моря вылезут чудовища и поглотят всех людей.

В ряде случаев отправители писем предупреждают своих близких, чтобы они не ожидали правдивого описания их жизни — это невозможно (№ 294). Прочитируем одну из выписок — характерный стихотворный стереотип: «Написала б тобі рай, але бумага край» (№ 924). В другом письме сообщалось: «Новостей у нас как в море воды» (№ 311).

Обобщенная оценка часто выражалась популярными поговорками с отрицательным смыслом. Подобные пассажи с трагической остротой выражали чувства одинокого человека в толпе несчастных людей — он (она) чувствуют себя «как рыба на песке», «как голый в репейнике», «как муха в бутылке» и т.п. (№ 33, 186, 266, 312 и др.). В одном случае (№ 222) в подобной функции оказывается реминисценция из известного стихотворения А.С.Пушкина «Узник» — «Сижу за решеткой в темнице сырой», — хорошо известного школьникам и превратившегося в одну из популярных народных тюремных песен.

Устные варианты ее печатались в песенниках с 70-х годов XIX в.¹³ Отметим характерный для фольклорной традиции семантический сдвиг — герой пушкинского стихотворения сидит в темнице; за окном молодой орел клюет кровавую добычу и зовет узника в горы. В приведенной выше цитате, как и в некоторых фольклорных переделках, герой — молодой орел, заключенный в темницу и рвущийся на волю¹⁴.

Невозможность написать о самом главном побуждала к созданию целой системы метафорических иносказаний. Она не была конвенциональной как специальные военные системы шифрования, при которых партнеры заранее договариваются о том, как будет шифроваться текст и как его предстоит расшифровать. Это и не примитивные приемы иносказания, применявшиеся при передаче сообщений полевой телефонной связи и рассчитанные на подслушивание противником, не очень хорошо знавшим русский язык, его диалекты и сленги¹⁵. Большинство эвфемизмов или эвфемистических выражений

¹³ См.: Дурново Н. «Узник» Пушкина в народной переделке // Пушкинский сборник. М., 1900; Сидельников В.М. Фольклоризация произведений Пушкина // Пушкин на юге. Кишинев, 1961. Т.2. С.15–29.

¹⁴ См., напр.: Песни русских поэтов. В 2 т. / Сост. В.Е.Гусев. Т.1. Л., 1988. № 752.

¹⁵ Ср. в ст. Н.В.Новикова «Из фронтовых записей фольклориста» об условных словах и выражениях, применявшихся при разговорах по полемому телефону: «хозяйство» — батарея, полк, соединение; «бал», «свадьба» — предстоящее наступление, бой; «трубы» — пушки; «огурцы» — снаряды, мины; «Борис» — броневой снаряд; «Ольга» — осколочно-фугасный снаряд; «Шура» — шрапнель; «петь» — вести огонь из «Катюши» (реактивного миномета) (Русский фольклор Великой Отечественной войны. М., Л., 1964. С.356–357). См. также: Кожин А. О словах с переносным значением в русском языке эпохи Великой Отечественной войны // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н.К.Крупской. Т.35. Труды кафедры русского языка. Вып.3. М., 1956. С.69–92.

были явно ситуативными, рождались спонтанно на почве крайнего эмоционального напряжения в экстремальной ситуации.

Система иносказаний стала складываться очень быстро, сразу же вслед за разрешением переписки. В середине 1942 г. в донесении гестапо из Винницы констатировалось: «Многие остарбайтеры пытаются проскочить сквозь цензуру при помощи условной кодовой системы. Об этом поступали официальные сообщения уже в июне 1942 года. Если украинцы писали: “У меня все хорошо”, это действительно могло быть “хорошо”; если писали “очень хорошо”, то это значит “очень плохо”». О том же пишет и составитель коллекции, в комментарии, занесенном в карточку: «Очень часто слова и выражения употребляются ради маскировки в противоположном смысле. Например, если пишется “мені живеться добре”, то имеется в виду “плохо”. Почти всегда и все надо понимать в дурном смысле. Например, если и употребляется превосходная степень “мені живеться дуже, дуже добро”, то имеется в виду “очень, очень плохо”. Другой пример: “будують будынка” (т.е. строят дом) — имеется в виду “дома разрушают”. “Я не голодный” — имеется в виду “я голоден”. Подлинный смысл легко угадывается из контекста, иной раз прямо говорится “догадуєся” (т.е. догадайся)» (№ 275). Буквальное совпадение первой фразы этого комментария и донесения заставляет подозревать, что цитированные выше наблюдения винницких полицейских могли быть разосланы по цензурным отделам в составе какой-нибудь служебной инструкции. Но они могли возникнуть и спонтанно, так как в их основе элементарный и вместе с тем явный парадокс — слова в определенном контексте (письма и — шире — жизненной ситуации) могут обретать смысл, противоположный словарному.

Необходимо отметить, что широко распространившееся в среде остарбайтеров использование системы эвфемизмов не было чем-то неожиданным и удивительным. Известная часть советских людей, попавших в эти годы в оккупацию и оказавшихся в числе остарбайтеров, была еще раньше знакома с практикой цензурного контроля. Население восточных областей Украины и Белоруссии более двух десятилетий жило в условиях тоталитарного государства с хорошо организованным контролем за почтовой перепиской.

Гражданская война и сложный период коллективизации советской деревни, нарастание политических репрессий в конце 20-х — начале 30-х гг. приучили многих и к осторожности, и к умению обходить цензуру. Это, казалось бы, в меньшей степени должно было относиться к населению западных украинских и белорусских областей, входивших до 1939–1940 гг. в состав Польши. Однако до начала войны и здесь успели прокатиться волны коллективизации и политических репрессий. Впрочем, и в «польское время» на этих территориях гос-

подтверждали несколько более либеральные, но безусловно полицейские порядки.

Метафорические иносказания всегда очень широко использовались народами, живущими при тоталитарных режимах, как в Советском Союзе, так и в Германии, Италии или Испании¹⁶. О скрытом смысле подобной метафорической фразеологии давно уже написал замечательную книгу В.Клемперер¹⁷; аналогичное исследование советской фразеологии только еще начинается.

Оправдывается и наблюдение составителя коллекции об образовании эвфемизмов по антиномическому контрасту, в эвфемистических рядах: строить — разрушать; выходить замуж — умирать, погибать (свадьба — смерть); партизаны, взрывающие мосты, здания, — «архитекторы» и т.д. Кстати отметим, что формула «смерть—свадьба», получившая в письмах остарбайтеров функцию иносказания в условиях цензурного запрета на любое известие о смерти, имеет глубокие этнографические корни. Подобный комплекс в прошлом был известен многим народам. Его наличие неоднократно констатировалось и у восточных славян. Обычно он реализовался в особой форме похоронного обряда, когда покойницей оказывалась невеста или девушка на выданье¹⁸. «Фрейбургская коллекция» свидетельствует о том, что сходные представления оставались составным элементом сознания девушек брачного возраста, оказавшихся в Германии.

Не столь древнюю, но многолетнюю традицию имеет и использование имен известных адресату людей и их судеб для скрытого от цензуры сообщения. Например: «Оля уехала к Мише», если при этом известно, что Миша арестован, сослан или погиб. Нетрадиционным представляется называние стран женскими именами (№ 4, 5, 9, 94, 113): Ангелина — Англия, Аня — Америка, Нина — Немецчина (Германия), Света, Лисвета — страна Советов. Составитель так же сразу обратил внимание на эту особенность многих значений слов и выражений, занесенных им в картотеку, хоть и не выделил их в отдельную лексическую категорию. Эвфемистические значения обильно представлены в собраниях в отделах «Слова» и «Речевые обороты», можно

¹⁶ Использование в экстремальных ситуациях специфической системы эвфемизмов свойственно было самым различным социальным слоям в странах, где была установлена жестокая цензура. Так, например, племянник Б.Л.Пастернака, живший в Германии некоторое время после 1933 г., в письме дяде сообщал, что «живет хорошо, только не дают спать клопы и мухи, жаль, что не захватил с собой деревянное изделие по мерке» (т.е. гроб) (Пастернак Б.Л. Воздушные пути: Проза разных лет. М., 1988. С.360).

¹⁷ Klemperer V.L. Notizbuch eines Philologen. T.1. Halle (Saale), 1997.

¹⁸ Наиболее раннее свидетельство для восточных славян восходит к X в. (арабский источник). Об украинском обряде см.: Данилов В. Порівнянне весілля і смерті в українських погрібових голосіннях // Україна. 1907. № 7.

обнаружить их и в разделе «Народная поэзия». Не употребляя термина «Tarnsprache», составитель говорит о том, что выражения с обратным смыслом возникают с целью маскировки. В рубриках «Wörter», «Redewendungen» и даже «Volksdichtung» он старательно фиксирует множество таких эвфемизмов, касающихся главным образом быта оstarбайтеров и оккупированных районов, обозначения таких понятий как воздушные налеты, самолеты, бомбы, партизаны, пожары (см. соответствующие разделы). Зашифровано все, что даже косвенно касается уровня жизни, военных действий или приближения войск, посещений или диверсий партизан.

Интересно проследить словообразовательные тенденции создания таких эвфемизмов. Так, например, вражеские самолеты обычно отождествляются с птицами и летучими насекомыми, налеты — с неприятными погодными явлениями, сбрасываемые бомбы скрываются за словами, обозначающими угощение (гостинцы, конфеты, апельсинки); реже эвфемизм основан на зрительном образе — желтые червяки (бомбы). В эвфемизмах для партизан чаще всего усматриваются приметы среды обитания — лес, населяющие его животные, прожорливые насекомые и птицы. Реже встречаются эвфемизмы, основанные на отдельных приметах — молодости (хлопцы), внезапности появления (гости) или предметов одежды (капельюшники — от «капелюх» — шапка-ушанка, малахай).

Мы не знаем, как составитель реагировал на подобные уловки отправителей, будучи цензором, имевшим определенные служебные обязанности. Однако хочется верить, что он проявлял снисходительность к своим «подопечным». В этом предположении нас укрепляет его общая гуманистическая установка, его интерес к внутреннему миру, психологии, духовным ценностям и традициям оstarбайтеров.

По выпискам из писем оstarбайтеров, как бы старательно они ни были собраны, невозможно восстановить структуру самих писем.

К сожалению, традиции почтовой переписки русских, украинских и белорусских сельских людей остались малоизученными по тем же причинам, которые мы упоминали, говоря о «круговых письмах». С нарастанием отхода и тем более с появлением регулярной почтовой связи с середины XIX в. не только грамотные деревенские жители, но и неграмотные стали прибегать к почтовой переписке. О распространенности почтовой коммуникации к этому времени свидетельствуют популярные пословицы, поговорки и загадки, зафиксированные уже В.И. Далем в его «Толковом словаре» и отложившиеся целым разделом в антологии русских загадок, составленной В.В. Митрофановой¹⁹.

¹⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. М., 1882. С.113; Митрофанова В.В. Загадки. Л., 1968. С.145–146.

В литературе XVIII–XIX вв. можно найти множество свидетельств профессионального или непрофессионального писания писем за неграмотных или малограмотных людей (грамотными односельчанами, деревенскими писарями, приказчиками из различного рода лавочек, мелкими чиновниками и пр.). Из биографии Н.А. Некрасова известно, что после ссоры с отцом он промышлял на Сенном рынке писанием писем и прошений «за 5 копеек или кусок белого хлеба»²⁰. В 20-х гг. нашего века писал письма для односельчан и известный поэт М.В. Исаковский. Начиная со второй половины XVIII в., распространение получили «письмовники», содержащие образцы писем по разному поводу (особенной популярностью пользовался «Письмовник» Н.Г. Курганова, много раз переиздававшийся²¹). Заказчики писем требовали соблюдения определенного этикета, набора традиционных формул, привычных получателям²². При этом особенное значение имели начальные и заключительные словесные формулы. Если для устного народнопоэтического текста они были средством выделения его из обыденной речи (функция «делимитации»), то письменный текст, казалось бы, не нуждался в подобном приеме. Тем не менее роль начальных и заключительных формул в текстообразовании писем оstarбайтеров была столь очевидной, что составитель «фрейбургской коллекции» заполнил ими значительную часть своих карточек, подчеркнув их значение специальными пометами — «Briefeinleitung» (начало письма) и «Briefschluß» (конец письма) — и включив в наиболее значительный раздел своей коллекции — «Народная поэзия». Обозрение этого раздела убеждает в том, что у составителя было четкое представление о роли словесных формул в народной словесности не только устной, но и письменной. В этом смысле «фрейбургская коллекция» также уникальна: если словесные стереотипы восточнославянских сказок, песен, причитаний и других жанров уже учтены и основательно исследованы, то для изучения почтовых стереотипов восточных славян она несомненно станет важным источником, тем более, что простонародная традиция и в этой сфере, видимо, близка к самоизживанию. Известные до сих пор издания, например «Письма с фашистской каторги» (Киев, 1947), дают ограниченный материал²³.

²⁰ Евгеньев-Максимов В.Е. Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова. Т.1. М.; Л., 1947. С.175.

²¹ См.: Денисов А.П. Н.Г. Курганов — выдающийся ученый и просветитель XVIII в. Л., 1961.

²² Бахтин В.С. Писал поэт, фамилии нет... // Звезда. 1992. № 1. С.163–171.

²³ См., напр., издания, связанные с первой мировой войной: Смирнов В. Солдатские письма. Пг., 1917; Путинцев А.М. Этнографические мелочи // Воронежский археологический вестник. 1921. № 2; Виноградов Н. Народные любовные письма // Живая старина. 1906. Вып.2. С.37–39.

Своеобразной и несколько неожиданной параллелью нашей коллекции может служить статья Ф.К.Вебера, который, подобно составителю «фрейбургской коллекции», был военным цензором в годы первой мировой войны, контролировавшим письма иностранных рабочих из славянских областей Австро-Венгрии (хорватов и словенцев)²⁴. Ситуация как будто схожая. Однако перед первой мировой войной иностранные рабочие сами отправлялись в Германию на заработки и жили в относительно благополучных условиях. Они могли вызывать недоверие, но все это было достаточно далеко от крайнего идеологического и расового ожесточения.

Вебера особенно заинтересовали «*stehende Formeln am Briefanfang*» (постоянные формулы в начале письма), характерные для писем подобного рода корреспондентов в отличие от образованных людей. Он приводит целый ряд примеров, сходных с теми, которые есть во «фрейбургской коллекции». Формирование стереотипных формул он объясняет необходимостью преодолевать психологическую трудность начала письма для не очень грамотных людей. Письму дается поручение лететь, чтобы попасть прямо в руки адресата, совсем как в письмах юстарбайтеров. Приводятся также примеры формул «конца письма» и примеры почтовых формул из писем немцев из Баната. Таким образом, составитель «фрейбургской коллекции» как бы подхватил гуманистическую эстафету Ф.К.Вебера. Этот тезис можно принять, правда, только с двумя поправками. Составителю не могла быть известна коллекция Вебера, опубликованная только в 1956 г. Кроме того, ситуация 1914–1918 гг. была значительно благоприятнее для подобной деятельности.

Начальные формулы писем во «фрейбургской коллекции» составляют заметную часть выписок. В настоящем издании они образуют отдельный раздел, хотя выделение это условно, так как они подчас контаминируются с формулами, имеющими иные функции. Характерно, что наиболее простые формулы традиционны и, как это свойственно словесным стереотипам в устной традиции, ритмизированы и двухчастны. Например: «У первых словах моих слов — примите ад своей верной дочки Уси горячо-незгасимый поважаимой низабываемой родительский привет и нежной поцилуй с крепким рукоприжатием к своим сердцу» (№ 187).

В некоторых вариантах традиционный привет как бы превращается в словесное изображение поклона по старорусскому этикету («земной поклон») — правая рука поднималась и затем с поклоном головы

²⁴ Weber F.K. Volkspoesie in Briefen Kroatischen Bauern // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28 Februar 1956 / Zusammengestellt von M. Woltner und H. Brauer. Wiesbaden, 1956. S. 552–559.

опускалась до земли²⁵. В № 320 читаем: «Спішу я тобі свій скучно-сердечний привіт передати від серой землі і до твоєї белой груді, іще б нижче поклонилась, якби сера земля роступилась»²⁶, или в № 228: «Кланяюся я тобі від білих рук до самої сырої землі».

Большая группа писем начинается с этикетного приветствия — «здравствуй» («здравствуйте»), и далее перечисляются лица, с которыми автор письма «здравствуется» (№ 829); а каждый из родственников чувствуется поэтическим образом: мать — «зірочка видна» (т.е. видная звездочка), сестра — «роженька цветна» (т.е. красивая, яркая роза), брат — «травушка шовкова» (т.е. шелковая) (№ 829). Подобные перечисления могла предвдварять фраза типа «Прежде чем письмо писать, надо поздороваться» (№ 622). Как и в хорватских письмах, один из наиболее употребительных начальных стереотипов — «сяду за стол (у окна), правой рукой буду писать письмо, а левой поддерживать бумагу (или вытирать слезы)» (№ 597, 686 и др.). Он часто контакминируется с другим, еще более популярным: «лети, листок». Одна из наиболее интересных в историко-фольклорном отношении и одновременно одна из наиболее распространенных групп начальных стереотипных формул «фрейбургской коллекции» связана с орнитологической символикой. В сложной и богатой системе символов архаических слоев восточнославянского фольклора «птичья» символика, наряду с символикой растительной и др., имеет развитый комплекс поэтических функций²⁷, в который входит группа символов — «птица-вестник» с семантикой сиротства, одиночества, расставания, тоски по дому. Обычно в традиционных народных песнях это связано с эмоциональным миром молодухи, расставшейся со своими родными. Понятно, почему образ «птицы-вестника» часто встречается в письмах девушек и молодых женщин. Здесь мы сталкиваемся с примечательным стремлением к энергичной адаптации этих мотивов к ситуации, с превращением песенных стереотипов в почтовые. Соловей (видимо, прилетевший с родины) запел, и это побуждает сесть за письмо (№ 141, 826, 912 и др.). Птице — соловью, кукушке²⁸, орлу, вообще «пташке» (№ 900, 912, 1108 и др.) — поручается отнести письмо, минуя все преграды, и отдать его прямо в руки родным (№ 583 и др.). Орлу, что несколько необычно для этого сюжета, поручается силой отворить дверь хаты, влететь в окно. И, наконец, этот образ

²⁵ См., напр.: Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях. М., 1992. С.220–221.

²⁶ Описка: традиционно для восточнославянского фольклора не «серая», а «сырая» земля.

²⁷ См.: Бернштам Т.А. Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография. 1982. № 1, С.22–34.

²⁸ В украинских, белорусских и южнорусских диалектах — «созуля».

трансформируется в устойчивый почтовый стереотип — лететь должно само письмо (№ 597, 686, 789, 825, 862, 1030 и др.). В стереотип проникают слова и речения, свидетельствующие о том, что в письмах остарбайтеров продолжалась интенсивная разработка этого образа. Так, устойчиво повторяется (№ 597 и др.) «лети, листок, с запада на восток» (трудно представить такую формулу в довоенное время) или лети через «Гирманский лисочок» (№ 1030). Характерны метафоры, отражающие незавершившийся процесс трансформации стереотипов: не «лети, орел» и не «лети, письмо», а «лети, письмо, орлом» (№ 895, 979 и др.).

Подобные стереотипы часто сращиваются со стереотипами другого рода, видимо, возникшими в свое время как специально почтовые — «сяду коло (о)кенца письмо писати» (№ 949) или «листа писать я начинаю своею правою рукой» (№ 789) и т.д.

Менее популярными, но достаточно развитыми были параллельные комплексы стереотипов-символов: о том, что надо писать письмо, напоминают ветер, прилетевший с родины, шелест деревьев (верба, явор и др.), ветру же поручается и нести письмо на родину; оно должно миновать чужие руки (№ 709, 813, 815 и др.). В № 815 это сочетается с т.н. отрицательным сравнением, столь характерным для славянского фольклора (типа «то не ветер вест»).

Наконец, с «птичьим» комплексом связано не только уникальное для «фрейбургской коллекции», но и вообще весьма редкое для восточнославянского фольклора упоминание «ирья» («вырья»), составляющего целую историко-этнографическую проблему. На карточке № 232 в разделе «Речевые обороты» обнаруживается выписка — «Бузьки вертаються у вирій». Составитель не понял значения слова «вирій» (или поверил неосведомленному информатору) и перевел его как «Nest» (гнездо). Его не смутила несогласованность: «бузьки», верно переведенное им во множественном числе — «Storche» («аисты») и «вирій» — по форме явно единственное число (переведенное не «Nest», а «Neste»). Разумеется, в условиях военного времени составитель не мог располагать словарями и специальной литературой, иначе он получил бы необходимую справку даже в хорошо известном славистам «Толковом словаре» В.И. Даля, где дано основное значение загадочного слова — «далекий край», древнее (возможно праславянское) название рая и райского мирового дерева, куда птицы улетают осенью и откуда прилетают весной, отмыкая ирий/вырий ключом²⁹. Этимология этого слова и его семантические связи, что обычно для столь древних мифологических представлений, до сих

²⁹ См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Вырий // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. Т.1. М., 1991. С.254; Етимологічний словник української мови. Т.1. Київ, 1982. С.380 (библиография).

пор вызывают дискуссию³⁰. Во «фрейбургской коллекции» оно встречается на карточке с пометой «Галиция» и в форме, обычной для украинского языка (протетическое «в», мужской род).

Вторым важнейшим структурообразующим элементом писем были, несомненно, заключительные (финальные) формулы, придававшие письму цельность и завершенность. Конец письма, если держаться объяснения Вебера, не представлял такой психологической трудности, как начало. В конце письма вполне естественно возникало сравнительно ограниченное число тем: сообщение о завершении письма с различной мотивировкой (кончается бумага, солнце заходит или уже ночь, пора кончать, «на последней строчке ставлю я точку» и напутствие письму: «лети, листок»³¹, слова прощания, пожелания и просьбы о скорейшем ответе). Кроме сообщения о том, что автор письма жив, самое главное было получить хоть какое-нибудь известие о родных и близких, также, возможно, находившихся на краю гибели³².

У начальных и заключительных формул много общего. Как уже говорилось, большинство из них стихотворны. Это не случайно — ситуация требовала эмоциональной разрядки, необычного способа выражения чувств. То же самое можно сказать и о письмах в другие годы больших испытаний (ср. солдатские письма в годы первой и второй мировой и гражданской войн, материалы Вебера и др.). При этом кроме специализированных почтовых стереотипов использовались т.н. «альбомные стишки», традиционные надписи на фотокарточках и, конечно, цитаты из фольклорных произведений (песен, частушек и т.д.). Многие заключительные формулы лапидарны, но характерна чрезвычайная активность их варьирования. Это обычно рифмованные двустипии, например, с первой строкой «Жду ответа...» и второй, представляющей собой зарифмованную метафору. Автор письма ждет ответа «как соловей лета» (№ 880), «как роза цвета» (№ 778), «как соловей деток» (№ 968), «как кукушка лета» (№ 728), «как ласточка лета» (№ 620), «как сокол лета», «как птица лета» (№ 843), «как воды в жаркое лето» (№ 765), «как босой лета» (№ 279), «как ребенок конфету» (№ 817), «как голодный обеда» (№ 606) и т.п. В этом стереотипе поэтическая энергия сказалась в особенно активном варьировании и актуализации тех вариантов, которые уже существовали.

³⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. Т.2. М., 1964. С.137–138; Этимологический словарь славянских языков: Пра-славянский лексический фонд. Т.8. М., 1981. С.236–237 (оба издания с библиографией).

³¹ В украинском и белорусском языках «ліст» — письмо; вместе с тем: лист бумаги, древесный лист и т.д.

³² В оккупированных областях погибло около 11 млн человек (словарь «Великая Отечественная война». М., 1985). См. также: Нюрнбергский процесс. Т.3. М., 1966.

В заключительных формулах традиция довоенных писем³³ проявляется не менее сильно, чем в формулах вводных. Так, например, в № 607 говорится: «Письмо писать кончаю, Кладу его в конверт...», хотя конвертами, как уже говорилось, оstarбайтеры не пользовались. Вероятно, не лагерный, а давний крестьянский быт отражается и в формуле «свеча догорает» (№ 757) или тем более в формуле «Письмо я писаць я уже кончаю, Смотрю на время — первый час, А сердце кровью обальцеца, Когда я вздумаю про вас» (№ 753). В лагере, конечно, не допустили бы такого нарушения режима. В сложной заключительной части письма, представляющей собой монтаж из фольклорных мотивов, гедонистических «альбомных стишков» и популярного ромansa («Веселья час и боль разлуки...»), связанного с исполнением Л.Руслановой³⁴, упоминается шампанское, — тоже явно не лагерная деталь (№ 485).

В заключительной части письма обычно еще раз передавались приветствия родным и близким, нередко облеченные в поэтические формулы (например в № 943: «Пишу вам правою рукою, I передаю я вам быстрою водою»). Часто звучало признание, что отправитель, хоть и пишет стихами, но не считает себя поэтом:

Писать красиво не умею.
Ведь я не Пушкин, не Крылов,
И напишу четыре слова:
Живи, учись и будь здоров. (№ 729)

Пожелание «учись» при невозможности учиться не только в лагере или в немецкой деревне, но и в оккупированных районах тоже характерно³⁵. Вместе с тем в стереотипные формулы врываются неизбежно и приметы времени. Например, двустрочная рифмованная формула:

Америка, Африка, Индия i Китай —
прошу, дорогая Галечко, не забывай! (№ 849),

которая варьируется:

Англия, Америка, Германия, Китай,
В какой стране не будешь,
меня не забывай. (№ 496)

³³ Ср.: Федорченко С. Народ на войне. М., 1990; Смирнов В. Солдатские письма. Пг., 1917; Войтловский Л. По следам войны: Походные записки 1914–1917 гг. В 2 т. Л.; М., 1925–1927. О стихах в письмах И.А.Федосовой — крупнейшей исполнительницы русского фольклора XIX в. — см.: Чистов К.В. Неизвестное письмо И.А.Федосовой // Культурное наследие Древней Руси. М., 1978. С.417–419.

³⁴ См.: Русские песни из репертуара Л.Руслановой. М., 1973.

³⁵ Прочитанное выше четверостишие дословно приводится и у Бахтина: Бахтин В.С. Указ. соч. С.166.

В № 933 — «много спрашивать не буду» — намек на то, что условия переписки явно не благоприятны. Эти строки вмонтированы в довольно обычное альбомное стихотворение. Многие письма кончались пожеланиями добра. Готовых формул для этого было предостаточно. Завершающую роль играли и формулы типа «Целую я вас 100 раз, а были бы вместе, поцеловала бы и двести» или «Заместо марки поцелуй жарки» (заметим, что марками оstarбайтеры не пользовались, это тоже образ из довоенных времен)³⁶.

Один из наиболее простых и вместе с тем распространенных способов повышения эмоциональности формулы — введение в нее имени подруги, сестры, возлюбленного — Оля (№ 1011), Таня (№ 1003), Восьмько (№ 648), Зонька и Льонка (№ 999) и др. Оно требовало ритмической корректировки формулы и было одним из стимуляторов варьирования. Абстрактная формула приобретала живой человеческий смысл, реальное содержание.

Третий раздел «Почтовых стереотипов» мы назвали «Приметы времени и места». Здесь порой особенно ярко сказывалась творческая фантазия отправителей писем, создающих свои варианты устойчивых формул в трудных условиях подневольной работы, разлуки с родиной.

Из всех известных нам документов, доставшихся исследователям от времен второй мировой войны, выписки, собранные во «фрейбургской коллекции», могут быть сопоставимы, пожалуй, только с надписями, оставленными узниками гестаповской тюрьмы «Эль-Де» в Кельне. Вместе с тем между ними есть существенные различия. Гестаповские узники ожидали своей участи, не имея никаких надежд и переживая крайнюю степень отчаяния, на пороге которого постоянно были авторы «фрейбургских писем». Но и те и другие стремились выразить свою человеческую сущность, оставить какой-то след своего существования, обратиться с прощальным словом, приветом, заветной мыслью к родным и любимым, даже не рассчитывая на то, что те об этом узнают. Даже в гестаповском застенке сочинялись стихи, припоминались дорогие сердцу песни, частушки, изречения, пословицы. При расчистке стен кельнской тюрьмы «Эль-Де» под слоем штукатурки и краски обнаружены поразительные документы, которые войдут в историю XX века³⁷.

Большинство отправителей писем были в той или иной мере носителями устной фольклорной традиции — архаической или более поздней (т.н. жестокий романс, сентиментальные песни литературного или полулитературного происхождения в народном обиходе), и,

³⁶ Ср.: Бахтин В.С. Указ.соч. С.164 и др.

³⁷ Die Wandinschriften des Kölner Gestapo-Gefängnis in El-De-Haus, 1943–1945 / Bearbeitet von M.Huiskes. Köln; Wien, 1983. 360 S.

видимо, часто одновременно более или менее примитивной письменной традиции. Многие из них были маргиналами, хранившими в своей памяти ограниченный запас фольклорного знания и, может быть, в мирное время не обращавшимися к нему столь активно, получившими только какие-то начатки школьного образования. Об этом свидетельствует довольно значительное количество орфографических погрешностей и не очень четкое различие традиций трех родственных, но вполне самостоятельных литературных языков — русского, украинского и белорусского — и в орфографии, и в лексике, и в морфологии (нечеткость употребления «и» и «і» для украинских текстов, следование то корневому принципу русской, то фонетическому белорусской орфографии, чередование русских и украинских суффиксов имен существительных и окончаний глаголов и т.п.). Вместе с тем это не восточнославянский «волапок», а свидетельство определенного уровня образования и культуры. Среди отправителей писем явно преобладали деревенские девушки с начальным образованием — черта, в определенной мере характерная для западных областей Белоруссии и Украины, где школьная сеть к началу войны была заметно менее развита, чем в восточных областях, входивших с начала 20-х гг. в состав Советского Союза.

Не случайно из собственно фольклорных жанров в выписках особенно ярко представлены такие малые жанры, как пословицы, поговорки, частушки и фрагменты причитаний. Они могут с равным успехом встраиваться и в разовую, и в фольклорную устную речь и играть роль почтовых стереотипов. Пословицы и поговорки, встречающиеся в письмах, выполняли обычно роль готового средства — лаконичного, образного и равно понятного как отправителям, так и получателям писем.

Важнейшая тема пословиц и поговорок — трагическое одиночество лагерной невольницы, несмотря на многолюдство лагеря. В этом чувстве сублимировались и непрерывное существование на краю гибели, и тревога за оставшихся дома, и все формы понятной в такой ситуации ностальгии. Эти три темы тесно переплетаются и переходят друг в друга. Автор письма одинока, как «пень в поле» (№ 292), как «яблоко, упавшее с яблони» (№ 241), «как сорока на заборе» (№ 332), как «пес на соломе» (№ 327), «как собака на привязи» (№ 356) и т.д.

Пословиц и поговорок во «фрейбургской коллекции» не очень много. Однако надо иметь в виду, что они тесно сопрягаются с фразеологизмами, звфемистическими фразеологизмами, жаргонной лексикой и т.д. Это, как правило, народный слой поговорок и пословиц. Речевых оборотов литературного происхождения почти нет. Характерен массив иронических пословиц и поговорок. Например, «Пусть конь тоскует — у него голова большая» (№ 271), «не видели на чем орехи растут» (№ 204), «и у нашей козы хвост вырастет» (№ 233), «ждет как цыган меда» (№ 280), «кто тонет — готов за бритву схватиться» и

т.п. Или типичный веллеризм³⁸ — «прошли медные трубы — попали черту в зубы» (№ 278). Фон этого веллеризма — популярная поговорка «прошел огонь, воду и медные трубы», т.е. побывал во всех переделках и ничего не случилось. Иронические пословицы и поговорки и веллеризмы очень важны для правильной оценки менталитета отправителей писем, они подтверждают тот факт, что, несмотря на все унижения и бедствия, многие остарбайтеры не теряли чувства юмора, а следовательно, и человеческого достоинства.

Частушка была тоже одним из видов готовых традиционных формул, черпавшихся из общего фольклорного резерва. Начиная с середины XIX в. это один из наиболее популярных жанров русского фольклора, рифмованная гуляночная песенка, преимущественно молодежная. Ее распространение связывается с вхождением в быт русской деревни гармонии, под которую ее обычно пели и парни, и девушки. Репертуар частушек был весьма обширен и постоянно пополнялся импровизациями, которые очень ценились сельской и низовой городской средой. С 80-х гг. XIX в. опубликованы многие десятки тысяч частушек, бытовавших у трех восточнославянских народов³⁹.

Во «фрейбургской коллекции» более семидесяти частушек. Это не так много. Они выполняют все ту же коммуникативную функцию. Они традиционны, но вместе с тем допускают импровизацию. Поэтому большая часть частушек связана с лагерным бытом. Это и часто повторяющаяся и уже цитировавшаяся нами частушка «Надоѐли мне бараки...» (№ 540 и др.), и другие жалобы в том же духе. Например, в № 531 говорится:

Куда вітер дунет,
Туда хилиться трава,
Куди глянеш та посмотриш —
Все чужая сторона.

Или более обобщенно:

Наша жизнь теперь разбита,
Мы живем в чужом краю,
Мабудь больше не вернемся
На Украину родну. (№ 561)

Целая группа частушек содержит страстный призыв к получателям письма не забывать (№ 1190, 1192, 1197, 1218 и др.) и одновременно

³⁸ «Веллеризм» — термин, введенный в мировую фольклористику А.Тэйлором для обозначения иронического толкования или иронического дополнения пословиц и поговорок (типа «Жизнь бьет ключом... и все по голове» или «Тише едешь — дальше будешь... от того места, куда едешь»).

³⁹ Библиографию см. в кн.: Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. С.444–446.

столь же решительные уверения, что отправитель письма их не забудет. Иногда эти уверения звучат как клятва (№ 1097). Формула любовной клятвы хорошо известна в традиции русских частушек, однако характерно, что здесь она часто употребляется и для выражения верности дочери, матери, подруге. В этом нельзя не усмотреть проявлений настоящего культа верности, любви, дружбы, постоянства, особенно развившегося в жестоких условиях войны, плена, принудительной депортации, тяжелейших подневольных работ. Проявления его могут показаться современному читателю чрезмерно напряженными или сентиментальными, однако они заслуживают другой оценки, — это тоже был один из способов утвердить свое человеческое достоинство, почувствовать себя человеком, а не презируемым рабом. В подобных экстремальных условиях простейшие и точные слова обретают свой первоначальный смысл — кровь, мать, любовь, родина и т.п.

Число же чисто гуляночных молодежных частушек, столь популярных до войны, здесь ничтожно.

В этом разделе коллекции творческая активность отправителей писем проявляется очень ярко, но в ситуативной импровизации. Один из ее видов — типичное для восточнославянской традиции нанизывание частушек в так называемые «частушечные цепочки», связанные единой темой или поэтической логикой (№ 509, 524, 526, 1102, 1124, 1175).

В этой же связи — как резерв готовых формул — следует назвать причитания. Их сравнительно мало. Составитель не выделял их, как, впрочем, не выделял он и частушки, и другие жанры фольклора, о которых речь еще впереди. Все они у него помещались под рубрикой «Народная поэзия», а внутри были только намечены некоторые темы. И все-таки имеющиеся в коллекции тексты причитаний интересны. Если в большинстве других жанров жизненная ситуация рисуется в самом обобщенном виде, так как «детали» были небезопасны в цензурном отношении, то причитания содержат горестные lamentации о том же самом. Тексты или фрагменты причитаний представлены на трех языках, но с явным преобладанием украинского. Это важно, так как в отличие от русской, очень развитой традиции причитаний, украинская не была столь яркой особенностью национальной фольклорной традиции. Внеобрядовые же украинские причитания почти неизвестны, поэтому особенного внимания заслуживает то, что во «фрейбургской коллекции» только один текст прямо связан с похоронным обрядом, и то несколько условно. Остальное — это рассказы о том, как дочь причитала на похоронах матери, видимо, незадолго до депортации (№ 497), или другие сходные темы, но тоже сетования необрядового характера. После некоторого вступления, или прямого обращения к адресату (матери, отцу и т.д.) (№ 563), или изображения автора письма плачущей (№ 564) следует само причита-

ние или фрагмент его. Иногда дочь пишет о том, что вспоминает мать плачущей, вспоминающей о ней (№ 585). К упомянутым текстам при- мыкают явно импровизированные ламентации, в которых традиция сказывается не в столь сильной мере (№ 916, 1116, 1181, 1186). В некоторых случаях ламентации включают традиционную начальную почтовую формулу — «сяду я за стол писать» (№ 1181) — или даже строку из известной тюремной песни «Солнце всходит и заходит...» (№ 1186)⁴⁰. И, наконец, один текст (№ 1082) содержит в себе отражение типичного для традиции причитания мотива «унимания», уговаривания не плакать.

Разделы «Из народных песен и жестоких романсов», «Перетекстовки популярных песен» и «Собственные стихи» еще более условны. Общее их отличие в том, что большинство текстов здесь имеет более или менее завершенную структуру. Эти три раздела тоже, к сожалению, не дают оснований для суждений о песенном репертуаре оstarбайтеров как целом. Но, впрочем, о нем писалось в многочисленных публикациях и исследованиях русских, украинских и белорусских песен времен войны (см. важнейшие библиографические указатели М.Я.Мельца, описанные нами на с.11).

Годы войны для русской, украинской и белорусской фольклористики, как ни кощунственно это звучит, были как бы гигантским экспериментом, поставленным самой историей. Миллионы людей оказались вырванными из привычной среды и привычного образа жизни. Печать, радио, кино, театры, книги и другие средства массовой информации стали вдруг недоступны солдатам, жителям оккупированных областей и беженцам из них, партизанам, военнопленным, узникам нацистских лагерей. Образовалась огромная по масштабам устная среда. Структура устной коммуникации, ее стереотипы, песенный репертуар, творческие процессы очень ясно обнаруживали свою природу, свои традиции, фиксировали вполне конкретный этап развития бытовой культуры.

Авторы писем активно опирались на традиционные фольклорные знания и письменные формы народной словесности, хотя даже при всей энергии адаптации они не могли полностью удовлетворить их. Пробелы заполнялись т.н. перетекстовками⁴¹ и стихами собственного сочинения с большим или меньшим использованием фольклорных

⁴⁰ Первая строка известной тюремной песни, возникшей, вероятно, в 80-е гг. XIX в. и ставшей особенно популярной после включения ее Горьким в пьесу «На дне». См.: Василевский В.А. Кто автор песни «Солнце всходит и заходит»? // Алтай. Барнаул, 1961. № 17. С.150–151; Песни русских поэтов. Т.2. Л., 1988. С.485.

⁴¹ См.: Гудошников Я.И. Виды и типы переделок литературных писем в советском фольклоре // Русский фольклор. Т.9. Л., 1964. С.115–121; Дымшиц А.Л. Народное творчество в годы Великой Отечественной войны // Очерки русского творчества советской эпохи. М.: Л., 1952. С.411–429.

или литературных стереотипов. Имея дело с подобными сочинениями, мы во многих случаях лишены возможности определить, созданы ли подобные стихи самим автором письма или он (она) воспользовался прочитанным, слышанным от друга или подруги. Невозможно также установить, пелись ли эти стихи. Только в редких случаях обнаруживаются пометки, что-то разъясняющие. Так, о № 522 говорится, что песня сложена девушками в лагере, о № 572: «Стой [той] стишок складеной Васи́лем, кода его знаеш», о № 1266: «Песня из Херсона» и т.п. Подруги в лагере или батрачки в крестьянских хозяйствах в одних и тех же или соседних деревнях несомненно обменивались письмами из дома и своими еще не отосланными письмами. Подобное же происходило и между лагерями: на многих карточках стоит помета «из лагеря в лагерь».

Значительную трудность также представляет дифференциация подлинных народных песен и стилизаций и вариантов, специально препарированных для писем (№ 585, 1112, 1129, 1179, 1237 и др.)⁴².

Настоящим изданием преследуется цель показать интерес и ценность вновь обнаруженного источника, привлечь к нему внимание читателей и исследователей. Специалисты по фольклору и литературе трех восточнославянских народов, вероятно, сумеют со временем прокомментировать каждый текст. Здесь мы остановимся только на тех вопросах, которые представляются наиболее неотложными.

В репертуаре и русских, и украинских, и белорусских деревень к концу XIX—началу XX в. кроме классической архаической народной песни уже совершенно определенное место занимали т.н. мещанские романсы городского происхождения, песни, пришедшие из сентиментально-романтической поэзии первой половины XIX в. (у украинцев и белорусов этот процесс развивался несколько медленнее), а также сформировавшиеся к концу XIX в. рабочие песни, частушки, песни тюремные, бродяжнические, у украинцев и белорусов — песни, связанные с трудовой эмиграцией, и т.д. В художественном отношении они были неравноценны, однако для авторов писем все это были песни, которые они знали — пели или слышали дома. Любое напоминание о них на чужбине было очень значительным, нужным, актуальным, соответствовало все нараставшей лагерной ностальгии. При этом даже наиболее традиционные фольклорные тексты оказывались негерметичными. Они довольно легко инкорпорировали обусловленные временем мотивы, строки, слова. Мы неоднократно демонстрировали подобные факты. Такие же примеры есть и в других разделах.

⁴² Уникальный случай для «фрейбургской коллекции» — текст шахтерской песни (№ 494). Не исключено, что распространение этой песни связано с тяжелейшими (по сравнению с другими отраслями промышленности) условиями труда остарбайтеров в шахтах Курского бассейна (более 200 тыс. человек).

Естественно, что целая группа текстов тематически, ритмически (и, очевидно, мелодически) ориентирована на сиротские (т.н. жестокие) романсы. Например:

Ах зачем меня мать породила,
Ах зачем родила меня мать,
Чтобы жить и страдать в Германіі
И германскую жизнь испытать. (№ 525)

Варианты этой темы обнаруживаются и в группе текстов, возникших под влиянием очень популярного стихотворения С.Есенина «Письмо матери». Впрочем, это тоже нельзя доказать бесспорно, так как стихотворение Есенина само возникло под влиянием песен и стихов-писем деревенских парней, уехавших в город и теряющих деревенские традиции в городской среде⁴³. Характерно, что во «фрейбургской коллекции» «письмо» матери обычно посылается от имени дочери, а не сына (№ 525, 1029, 1269 и др.), что не было свойственно старой традиции. Эти тексты как бы возводят мост между традиционными песнями парней — мигрантов в города (а также очень популярными в годы второй мировой войны характерными песнями-письмами солдат, партизан, невольников, особенно девушек, вывезенных в Германию) к родным, друзьям и возлюбленным на родину и ответными письмами-песнями⁴⁴. Во «фрейбургской коллекции» мы встречаемся как бы и с письмами-песнями и с песнями в письмах. Они обобщали, абстрагировали и художественно перерабатывали подлинные (а не проективные) переживания. Им свойственны непосредственная коммуникативная функция и, если речь шла о певшихся песнях или их фрагментах, — перевод коммуникации аудиальной в визуальную, из устной в письменную.

Анализ источников поэтических реминисценций приводит к результатам, подобным тем, которые уже формулировались. Остарбайтеры в своей массе существовали в промежуточной сфере между традиционным деревенским фольклором, который переживал сложные времена под влиянием фольклора городских низов и мещанства, и высокой поэзией, известной в ограниченных пределах начальной школы. При этом литературные тексты в некоторой своей части нередко проходили предварительную обработку в народной среде. Кроме стихов Есенина здесь могут быть названы произведения Пушкина (пример с его «Узником» уже приводился) и Лермонтова (реминисценция из поэмы «Воздушный корабль», являющейся переработ-

⁴³ Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. М., 1969.

⁴⁴ Русский фольклор Великой Отечественной войны. С.132–134. Характерно, что в те же годы к жанру послания на фронт, с фронта в тыл и т.д. обращаются многие поэты — В.Лебедев-Кумач, И.Уткин, С.Михалков и другие.

кой стихотворения австрийского поэта И.Х.Цедлица «Корабль призраков»). В последнем случае мы имеем в виду своеобразную поэму (№ 572), первая строка которой заставляет вспомнить произведение Лермонтова. Сложил ее, как уже говорилось, некий Василий. Но кто это был, мы не знаем. Письмо было послано из одного лагеря в другой, а в самой поэме говорится об опасности, грозящей немецкому транспорту со стороны подводных лодок. Был ли автор песни в какой-нибудь вспомогательной команде военнопленных на транспортном корабле и тоже подвергался подобной опасности? От Лермонтова здесь — только общий ритмико-синтаксический строй стиха.

Составитель двухтомного сборника «Песни русских поэтов», на который мы уже ссылались, В.Е.Гусев отмечает в примечаниях появление лермонтовского текста, положенного на музыку Г.Базилевским, в печатных песенниках с 60-х гг. XIX в. Свидетельства о проникновении «Воздушного корабля», причем в заметно сокращенном виде, в крестьянскую культуру известны с 1890 г. (Однако особую популярность он приобрел в городской среде⁴⁵.)

Перетекстовки, которые связаны с исходным текстом только одной строкой, играющей роль зачина, — весьма распространенное явление. Оно хорошо известно было в архаических слоях фольклора. Под влиянием традиционных зачинов иногда формировались целые тематические группы песен. Например, во «фрейбургской коллекции» текст под № 1310 связан с первой строкой популярной в 30-е гг. песни из кинофильма «Истребители», написанной Н.Богословским на стихи Е.Долматовского и часто исполнявшейся по радио («В далекий край товарищ улетает...»), № 1014 — с первой строкой из полуфольклорной песни «Позарастили стежки-дорожки...». Или первая строка одной из самых популярных украинских песен «Віють вітри, віють буйни», созданной И.П.Котляревским; в 30-е гг. XX в. эта песня часто звучала по радио и тиражировалась на патефонных пластинках, записанных знаменитым исполнителем украинских песен И.С.Паторжинским. Подобные перетекстовки выполняли двойную функцию — напоминали о любимых песнях, о родине, доме, семье и давали возможность выразить эмоции, связанные с ситуацией, в которой жили оstarбайтеры (постоянная угроза гибели — и своей, и родных и друзей, тревога за них, разлука с ними, надежда на окончание войны и возвращение домой).

Несмотря на то что значительная часть оstarбайтеров была вывезена из западных областей Украины и Белоруссии, среди них оказались особенно популярными перетекстовки, создававшиеся на основе примерно тех же песен, что и у основной массы солдат на фронте, у

⁴⁵ См.: Виноградов Г. Произведения Лермонтова в народнопоэтическом обиходе // Лит. наследство. Т. 43/44. М., 1940. С.353–388; Песни русских поэтов. Т.1. С.628.

жителей тыла, оккупированных областей, у партизан. Разумеется, песни или их фрагменты, прямо связанные с Красной Армией, партизанским движением или движением сопротивления, попасть в письма не могли⁴⁶. Поэтому, например, породившая наибольшее число перетекстовок (их зафиксировано более пятидесяти⁴⁷) в предвоенные и послевоенные годы «Катюша» (М.Исаковского — М.Блантера), несомненно известная и оstarбайтерам и в исходном виде, и в перетекстовках, не отразилась во «фрейбургской коллекции». В коллекции содержится более полутора десятков перетекстовок популярных в 30-е гг. песен («Раскинулось море широко...», «Чайка смело пролетела...», «Синий платочек», «Позарастили стежки-дорожки...», «В далекий край товарищ улетает...», «Светит месяц, светит ясный...», «Прошли веселые денечки...»). Видимо, на втором месте после «Катюши» по числу перетекстовок была песня «Раскинулось море широко...», представленная во «фрейбургской коллекции» шестью текстами (№ 529 — два варианта, № 551, 556, 557, 597). Всего же фольклористами опубликовано более тридцати перетекстовок, и значительно больше их хранится в архивах Петербурга, Москвы, Киева, Минска и в других.

«Катюша» возникла на памяти нынешнего поколения фольклористов (1939 г.) и распространилась очень быстро. Почти сразу же стали возникать и перетекстовки. История песни «Раскинулось море широко...» длительнее и сложнее, но вместе с тем она весьма характерна. Поэтому мы коротко остановимся на ней.

В 1844 г. второстепенный русский поэт Н.Ф.Щербина опубликовал стихотворение «После битвы», в котором отразилось его увлечение новогреческими песнями, получившими популярность в ряде стран Европы, в том числе и в России, в связи с греческим восстанием «клефтов» против турецкого владычества (1821–1830). Стихотворение было положено на музыку А.Л.Гурилевым и приобрело особенную популярность в годы Крымской войны 1853–1856 гг. Оно становится народной матроской песней. Позже профессиональная переработка ее была осуществлена поэтом Г.Д.Зубаревым, и новая популярность ее падает на годы русско-японской войны 1904–1905 гг. Песня получает название «Кочегар» и включается в цикл активно бытовавших песен о трагической гибели моряка («Варяг» и др.). Ее популярность еще возросла, когда известная в начале века исполнительница романсов и песен Н.В.Плевицкая записала ее на пластинку. В 1911 г. был издан лубок с текстом, разошедшийся в различных

⁴⁶ См.: Русский фольклор Великой Отечественной войны. С.103–148.

⁴⁷ Розанов И.Н. Песни о Катюше как новый тип народного творчества // Фольклор Великой Отечественной войны. Л., 1964. С.310–325. Розановым было собрано более 100 текстов.

районах России⁴⁸. И, наконец, настоящее возрождение песни пало на предвоенные годы. Это было связано с включением ее в музыкальную композицию «Два корабля», поставленную Леонидом Утесовым. Утесовская обработка завершила вторичное превращение песни в народную. «Кочегар» стал одной из наиболее популярных массовых песен предвоенных и военных лет. Отсюда — множество перетекстовок. О них говорят все исследователи русского, украинского и белорусского фольклора времен войны⁴⁹. Опубликованы тексты, демонстрирующие разные типы перетекстовок этой песни, — о гибели летчика, танкиста, партизана и, конечно, матроса (на Черном море, под Севастополем). Тем интереснее перетекстовки, отразившие судьбу оstarбайтера. На одном из текстов сохранилась помета, из которой следует, что письмо было послано из лагеря в Ромбахе (Лотарингия) в лагерь Бассенхайм у Кобленца, на других помета — «из лагеря в лагерь». Сразу после войны какой-то офицер передал поэту Александру Твардовскому найденную в опустевшем лагере тетрадь Нади Коваль, озаглавленную «Альбом для пісень з життя в Германії 1944 року». Среди других в ней была и песня «Раскинулись рельсы широко...». После войны сходные варианты записывались от девушек из лагерей под Гессеном, в лагерях Адлергенштадт, Даргебенц (под Свиномюнде), Дретц (под Нойштадтом), в лагере под Берлином и т.д.

В перетекстовках из «фрейбургской коллекции» три различных зачина: «Раскинулись рельсы далеко» (№ 529), «Раскинулись степи широко» (№ 557) и «Заброшен судьбою в германских лесах» (№ 551). Все они объединены одной темой — непереносимость лагерной жизни и гибель невольницы (невольника — № 551 — редкий для коллекции мужской вариант). № 529 особенно близок к послевоенным записям перетекстовок с зачином «Раскинулись рельсы широко (далеко)» и отличается от них только многострочностью, несколько удивительной для текста, включенного в письмо⁵⁰. Авторы писем будто стремятся превратить их в поэмы, способные побольше сказать о лагерном быте. Происходил как бы обратный процесс. В обработке Зубарева была 21 строфа, в народном обиходе «Кочегар» сильно сокращался, а в письмах снова удлиннялся.

⁴⁸ Гиппиус Е. В. Раскинулось море широко: История песни. М., 1962; см. также примечания В. Е. Гусева в кн.: Песни русских поэтов. Т. 1. С. 643; Т. 2. С. 495.

⁴⁹ Крупянская В. Ю., Минц С. И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М., 1952. С. 23, 96–97, 100–104, 162–163; Русский фольклор Великой Отечественной войны. С. 137–139.

⁵⁰ В. Ю. Крупянская и С. И. Минц приводят (с. 162) 3 строфы, в «Песнях русских поэтов» (с. 400) их 6, в варианте, записанном в Белоруссии (Пазыя барацьбы. С. 150–151), — 5, в сборнике В. С. Бахтина максимальное число — 7 (Сказки, песни, частушки, приговорья Ленинградской области. Л., 1982. С. 273–274).

В выписке из перетекстовки под № 529 говорится о том, как девушек вывозят в Германию. Надежды на возвращение на родину нет. В № 551 и 529 развивается еще и другая тема, которую мы упоминали, — невозможность существовать в условиях всеобщего презрения со стороны немцев. Однако между этими двумя текстами прямой связи нет, словесное воплощение отличается. Причем в № 557 неожиданно возникают размышления о том, как депортированные невольники будут возвращаться домой. Нет уверенности, что возвращение успешно осуществится — придется пройти словно сквозь строй людей, презирающих остарбайтеров. Перед пленником в разодранной одежде закрываются все двери. Он погибает, как «очегар» и все герои, замещавшие его в других перетекстовках.

Формирование перетекстовок осуществлялось по общим законам развития фольклора — новое или отчасти новое создавалось на основе известного. В 20–30-х гг. XX в. в этот процесс включилась т.н. советская массовая песня. Большую роль стали играть кино, радио, массовая печать, широко развившаяся (хоть и далеко не всегда глубокая) грамотность населения. Круг песен, на основе которых создавались перетекстовки, стал шире, и он лежал на границе фольклора и литературы, не очень глубоко проникая в последнюю. Характерно при этом, что в выписках реминисценции из архаических слоев фольклора в большинстве своем украинские, а литературные реминисценции преимущественно русские. Это свидетельствует о формировании общего поэтического фонда у трех народов, переживавших общую судьбу.

За пределами нашего рассмотрения здесь остались собственные стихи остарбайтеров, выделенные в специальный раздел. Внимательный читатель и исследователь найдут в них бесценные свидетельства менталитета, быта остарбайтеров, их надежд, отчаяния. В художественном отношении здесь нет шедевров, но стихи эти свидетельствуют о бесспорной энергии самоидентификации, утверждения своего человеческого достоинства, права на творчество. Мы не будем детально анализировать эти тексты, они значительны лишь в своей совокупности. Один из самых ярких примеров — многострочная поэма «Згадка про Україну» («Воспоминания об Украине», № 486). Думаем, что «чужой» текст вряд ли стал бы присваиваться, но если даже мы ошибаемся, поэма все равно остается важным документом.

Поэма написана на украинском языке. По форме это тоже письмо родным, хотя из пометы составителя следует, что письмо посылалось из лагеря в лагерь. Значит, автор поэмы хотела, чтобы ее стихи стали известны подруге. Она родом из деревни Ряска. За четыре года до начала войны (в 1936 г.) полюбила односельчанина. Их счастливый роман длился два года. Возлюбленного взяли в армию, он писал ей нежные письма, они активно переписывались, и она ждала его, но

увидеться было не суждено — началась война, переписка оборвалась. Ее вывезли в Германию. Она не пишет о тяжести лагерной жизни. Все ее тревожные думы о родных, оставшихся дома, о любимом, о котором она ничего не знает, и о «милрой Украине». Дома остались престарелая мать, сестра и племянница. Мать одна вести хозяйство не в состоянии, дети же разбросаны по свету. Автор не теряет надежды вернуться домой, просит родных и «милую Украину» не забывать ее. Таков этот бесхитростный рассказ. У автора хватило душевных сил, преодолевая рабство, остаться внутренне свободной. Другие подобные опыты — более неумелы и менее цельны стилистически.

Следует упомянуть еще одно поэтическое произведение, созданное кем-то из остарбайтеров. Оно называется «Ты бачишь, Боже, як норід гіне» (Ты видишь, Боже, как народ гибнет) и насыщено религиозными мотивами. Составитель начал переписывать это сложное поэтическое произведение, но с последней строки первой карточки текст написан другой рукой, явно девичьей. На первый взгляд, поэма напоминает причитание, плач, однако стилистически она далека от традиционных обрядовых причитаний, — это призыв к Богу облегчить страдания людей, как бы грешны они ни были, изображение непомерных страданий людей, особенно сирот. При чтении вспоминается один из самых популярных в Древней Руси апокрифов «Хождение богородицы по мукам», хотя сама богородица здесь не названа⁵¹. Это плач-покаяние с эсхатологическими мотивами, выраженными не прямо, а составляющими эмоциональный фон. Поэма завершается надеждой на то, что Бог примет всех страждущих и сирот под свое попечение и ответит в свой край, где, наконец, все родные и близкие встретятся (№ 594). Иных упований нет. Но и этого достаточно — Бог признает несчастных людьми, и последует искупление. Таким образом, «покаяние» — это тоже в конечном счете один из возможных способов преодоления рабства. Некоторые особенности этого своеобразного памятника заставляют предположить его связь со старообрядческой средой, хотя по своей стилистике он одновременно и религиозный, и совершенно светский.

О других способах адаптации остарбайтеров к экстремальным условиям жизни, их духовного выживания и психологического самоутверждения, о которых свидетельствует замечательная «фрейбургская коллекция», мы уже говорили. Составитель коллекции увековечил в ней остарбайтеров и самого себя как удивительного в условиях войны и нацистского режима гуманиста.

⁵¹ Библиографию «Хождения» см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 463-465.

Просматривая вновь и вновь коллекцию выписок из писем остарбайтеров, мы не перестаём удивляться энергии самоутверждения лагерных рабов, их воле к сохранению памяти о родной речи, о песнях, которые пелись на родине, поражаемся их неугасимому стремлению к творчеству в самых разнообразных формах, чувству собственного достоинства, умению обойти жестокую цензуру. Поэтому в заключение статьи нам хотелось бы сослаться на вовсе не беспристрастную, но, судя по всему, основанную на изучении источников оценку творческой потенции остарбайтеров, прозвучавшую вскоре после их появления в Германии в официальных документах нацистского руководства. В монографии Ф.Эммериха «Националистическая идеология и германистика»⁵² говорится о том, что сохранившиеся документы свидетельствуют: функционирование фольклора иностранных рабочих оценивалось руководством нацистской партии как опасная возможность воздействия на немецкое население, угроза расовой чистоте его культуры. В распоряжении канцелярии Гитлера от 22 октября 1941 г. констатировалось, что «к сожалению, фольклор чужестранцев находит нежелательный многообразный отклик у жителей немецких деревень». В связи с этим предлагалось активизировать деятельность учителей, чтобы «свести нежелательное воздействие до минимума»⁵³. Мы теперь знаем, что эти опасения имели основания.

Составители выражают искреннюю благодарность Немецкому архиву народной песни (Фрейбург), Фонду Генриха Бёлля и Генеральному консульству ФРГ в Петербурге (в особенности д-ру Ане Лютер) за моральную и финансовую поддержку настоящего издания, директору Фонда И.Вирта, профессору Ульрике Хёрстер-Филиппс, а также библиотекарю Немецкого архива народной песни Барбаре Джемс-Брук и сотруднику этого архива д-ру Юргену Дитмару за неоценимую помощь в обнаружении коллекции, за подготовку ее к немецкому изданию и за предоставленную нам возможность подготовить русский вариант.

* * *

Наиболее характерные тексты «фрейбургской коллекции» в результате изучения ее состава отобраны и сгруппированы публикаторами в шестнадцать разделов. Это работа, которую несомненно намечался, но не успел проделать собиратель коллекции.

Тексты не подвергались редактированию и коррекции, иначе они не могли бы служить надежными источниками для изучения мироощущения людей, угнанных насильственно на работы в Германию, их

⁵² Emmerich W. Germanistische Volksturnsideologie. Tübingen, 1968. S. 272–273.

⁵³ Poljakov L., Wolf J. Das Dritte Reich und seine Denker. Berlin, 1959. S. 70 (со ссылкой на второй том «Verfügungen, Anordnungen, Bekanntgebungen der Parteikanzlei»).

образовательного уровня, менталитета, языковых и фольклорных (отчасти и литературных) традиций, составлявших костяк их культуры.

Одна из причин языковой пестроты, с которой встретятся наши читатели, — неоднородный состав корреспондентов, происходивших из разных областей бывшего Советского Союза, оккупированных немецкими войсками, — от Ленинградской области до Крыма и от западных областей Украины и Белоруссии до восточных районов этих республик. Но в силу географических и социальных условий владение тремя языками, составляющими восточнославянское единство, было неровным, неустойчивым и даже иной раз не вполне определенным. Какая-то часть их была, возможно, русскими городскими жителями, усвоившими элементы украинской или белорусской устной речи, столь родственной их родному языку. В большинстве же, по-видимому, это сельские жители. Многие объясняет и происхождение значительного числа оstarбейтеров из этнически смешанных районов или районов, в которых распространены т.н. переходные диалекты (например, украинско-белорусско-русское Полесье и т.п.). В украинских текстах мы постоянно встречаем русские и белорусские слова или слова общеславянские в их русских или белорусских вариантах, в белорусских текстах постоянно встречаются украинские или русские слова. Образование большинства отправителей писем, видимо, было не выше уровня начальной сельской школы, вполне возможно, что они в достаточной мере владели пассивно своим родным литературным языком, т.е. понимали его и умели на нем читать, но в устной речи продолжали пользоваться местными смешанными говорами. Поэтому в одном и том же отрывке письма можно встретить различное и не всегда правильное употребление украинских букв «і», «ї» и «и» (произносится как русское «ы») и русских «и» и «ы», украинских «е» и «є» и русских «е» и «э», белорусского «ў» и т. д. Небольшая часть текстов на белорусском языке написана латиницей и с приближением к польской орфографии. Для облегчения их прочтения мы сопроводили такие тексты транскрипцией русскими буквами в круглых скобках.

Пунктуация большинства текстов в карточках — весьма скудна, непоследовательна, порой ошибочна настолько, что мешает правильному пониманию текста. Не исключено, что часть знаков проставлена собирателем коллекции, по крайней мере, в его переводах пунктуация проведена с некоторой последовательностью. Публикаторы позволили себе продолжить эту работу с тем, чтобы облегчить и русским читателям правильное прочтение текста, при этом ограничившись главным образом точками и запятыми. Немногочисленные вопросительные и восклицательные знаки в большинстве своем принадлежат авторам писем.

В публикуемых текстах нет единообразия и в обозначении начала стихотворной строки, и в употреблении прописной буквы вообще. В тех случаях, когда это не затрудняло прочтения текста, публикаторы не стремились к исправлению, считая этот фактор немаловажным показателем различного уровня грамотности его авторов.

Публикаторы исправляли только явные описки, а в случаях нечеткого написания сверялись с переводом на немецкий язык, выполненным на правой стороне карточки составителем коллекции; все эти переводы, а также пометы в верхней строке карточки, часто противоречащие жанровому характеру текста или слишком общие (как, например, «Volksdichtung»), сняты в русском издании.

Полностью сохранены внесенные собирателем в каждую карточку (после текста) названия населенного пункта или района адресата письма (без указания имени адресата и отправителя, в целях сохранения их анонимности). Лишь в некоторых случаях указано в самой общей форме местонахождение отправителя, когда оно имеет особый информативный смысл (лагеря в Германии, в оккупированных странах — Норвегии, Франции, Голландии).

Указания на республику могут показаться сегодня странными: то, что названо Украиной, в действительности Белоруссия (например, в надписи: «Брест-Литовск, Украина»). Надо иметь в виду, что здесь мы встречаемся с названиями административных областей, установленных оккупационными властями, — так, в Рейхскомиссариат Украина была включена часть Западной Белоруссии (Брестская область), в Рейхскомиссариат Остланд входили остальная часть Белоруссии, Эстония, Латвия и Литва.

В случаях, когда это важно, составитель указывал и дату (в разделах «Пересказы снов и пророчества», «Круговые письма» и в некоторых других), что еще раз говорит о цельности и последовательности замысла человека, собравшего «фрейбургскую коллекцию», и об уровне его компетентности и интеллекта.

Ремарки, заключенные в квадратные скобки, принадлежат собирателю коллекции. В круглые скобки заключены комментарии, пояснения, транскрипции, переводы (где они необходимы) публикаторов. Перевод аппарата, а также обратные переводы разделов, в которых тексты зафиксированы собирателем только на немецком языке — «Круговые письма», «Пересказы снов и пророчества», «Народная медицина», — выполнены Б.Е.Чистовой.

Настоящее издание представляет собой публикацию уникальных источников, которые еще, надо надеяться, будут изучаться лингвистами, фольклористами, этнографами, историками. При этом, несомненно, выявится немало трудностей или недостаточно исследованных проблем. Поэтому публикаторы не решились комментировать

каждый текст и каждую строку. Для этого еще не пришло время. Мы предложили читателям только общую оценку всей проблемы — язык и фольклор остарбайтеров — и разработки некоторых вопросов, которые представлялись нам первоочередными.

Чтобы облегчить будущим исследователям пользование всей коллекцией, мы сохранили за текстами номера, которые придали карточкам с самого начала работы, руководствуясь порядком, в каком они были размещены составителем. Упорядочив коллекцию по жанровым рубрикам и разделам, мы не стали менять нумерацию текстов. Номера публикуемых карточек в порядке возрастания (с отсылкой к странице настоящего издания) даны в Приложении.

Кирилл Чистов